ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Необычная история

Владимир Нестерцов

БАГАЖ ИМПЕРАТОРА

КНИГА ПЕРВАЯ

16+

Владимир Дмитриевич Нестерцов
Багаж императора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34328081
SelfPub; 2018

Аннотация

Роман посвящен тайне императорского багажа Николая II, находящегося в настоящее время в Англии, а также мистической роли Янтарной комнаты в этом процессе. Роман состоит из трех книг. Первая книга: «Необычная история».

Владимир Нестерцов
«Багаж императора»

Лучше всего деньги, добытые собственным трудом,
хуже – добытые по наследству,
еще хуже – от брата.

Народная мудрость

Лучи утреннего парижского солнца игриво заглядывали в окна дома № 57 по улице Ля Боеси. Даниэль Вильденштайн как обычно проснулся рано, внизу в столовой уже был готов привычный для него завтрак. Утро было наполнено запахом свежезаваренного кофе, который он так любил.

Он спустился вниз, позавтракал, просмотрел газету «Ля Фигаро» и отправился в свой кабинет, где его уже ждал личный секретарь Жан Готье.

– Доброе утро, месье Даниэль, – поприветствовал его секретарь. – Вчера вечером доставили экземпляры вашей книги, и так как вы не будете присутствовать лично на ее презентации, издатели попросили Вас на нескольких из них поставить ваш автограф.

– Хорошо, Жан, когда закончу, я позову вас, сейчас вы пока можете быть свободны. Потом мы обговорим все сегодняшние дела.

Секретарь вышел из кабинета и плотно закрыл за собой

дверь.

Месье Вильденштайн подошел к столу и взял в руки один из экземпляров своей книги «Торговцы искусством», просмотрел ее и снова положил на стол. Он сел в свое рабочее кресло и погрузился в воспоминания, которые легли на страницы его книги.

Конечно, воспоминания касались прежде всего членов его семьи, начиная с Натана Вильденштайна, основателя династии антикваров, к которой принадлежал и Даниэль уже в пятом поколении. Но был еще один интересный эпизод из жизни самого Даниэля, который не давал ему покоя долгие годы.

Он вспоминал конец 1970-х годов, когда ему представился счастливейший случай побывать в летней резиденции английской королевской семьи в Шотландии, замке Бельмораль. Резиденцию ему показывал лично сам наследный принц Чарльз. Замок был великолепен, в нем было огромное количество произведений искусства, да и он сам был произведением искусства. Но самым интересным, как потом оказалось, было посещение подвалов замка. Еще тогда он понял, что невольно прикоснулся к тайнам английского двора, так как в одном из подвалов он заметил огромные ящики, покрытые внушительным слоем пыли и паутины.

– Что это? – спросил он.

– Сокровища русского царя Николая II, – нехотя ответил принц.

– Что, того самого? – не унимался антиквар.

– Да, они прибыли сюда в начале 1917 года, – ответил принц. – Здесь, я полагаю, около 150 ящиков, на каждом из них надпись «Собственность Его Императорского Величества Николая II».

Заглянуть в ящики этого загадочного багажа антиквару не позволили. Но уже тогда они поразили его воображение, и по дороге из Бельмораля, голову Даниэля сверлил только один вопрос: «Что же в этих ящиках?»

Уже вернувшись в Париж, он вспомнил, что тогда, в 1917 году, король Англии Георг V отказал в убежище своему двоюродному брату Николаю II после его отречения от престола. Это был исторический факт, о котором все знали. Но никто не догадывался о том, что причиной отказа, возможно, стало именно прибытие багажа императора Николая II в Англию.

Много лет подряд, после той встречи с принцем мысль о багаже императора не давала покоя Даниэлю. После распада СССР он надеялся, что представители английской короны передадут содержимое ящиков России. Он ошибся.

Но ответ на свой вопрос, что же в ящиках, Даниэль все-таки получил.

Сенсацией конца 20-го века стало появление на аукционе «Сотбис» в Лондоне яиц Фаберже, которые принадлежали в свое время царской семье, а также диадемы русской императрицы Александры Федоровны, которая «вдруг» оказалась на голове английской королевы Елизаветы во время ее тра-

диционных тронных выходов. Все эти изделия, как писали тогда газеты, были личной собственностью членов царской семьи и никем, кроме них, не могли быть вывезены за рубеж.

Тогда Даниэль понял, что это – сокровища из царского багажа, который он видел в Бельморале в далекие 70-е. Эти известия отчасти и подтолкнули его написать свою книгу, в которую он и вставил этот таинственный эпизод из своей жизни.

«Да, царские бриллианты приняли… семью нет», – с грустью подумал антиквар и, открыв первый экземпляр книги, поставил свой автограф…

Книга первая «Начало»

Ротмистр

Телефонный звонок разбудил меня под утро. Барышня-телефонистка ласковым тоном пропищала в трубку о добром утре и соединила меня с абонентом. Негромкий, вкрадчивый голос ротмистра Каверина выбил из меня остатки сна.

– Владимир, – сказал он без предисловия, – нам необходимо срочно встретиться. Приезжайте в ресторан «Англетер» прямо сейчас. Есть дело, не терпящее отлагательств. Это был пароль, обозначавший место встречи.

– Хорошо, – ответил я, – буду на месте примерно через

час, – и положил трубку.

Быстро умывшись холодной водой и приведя себя в порядок, я выскочил на улицу. В это раннее утро дождик только собирался выбросить свой «десант» на питерские улицы. Поэтому было прохладно и пасмурно, хотя солнышко иногда подмигивало из-за туч, отливающих свинцом.

«Да, хорошая будет сегодня погода», – подумал я и принялся высматривать извозчика. Редкие ранние прохожие быстро проскакивали мимо, испуганно прижимаясь к стенкам домов и старательно обходя подворотни. Выстрелов не было слышно, но в общем покое ощущалась какая-то полутревожная тишина, нарушаемая лишь топотом прохожих и гулом каких-то отдаленных и непонятных действий. С извозчиками была проблема. Они тоже в эти сложные для всех дни 1917 года оказались в тисках тех непонятных пока событий, которые стремительно разворачивались на улицах Петрограда. Одни были мобилизованы, другие работали вполсилы, третьи вообще уехали из города, бросив на произвол судьбы свое доходное дело. И клиентов стало меньше: буржуа, купечество, чиновничество затаились, а на улицы выплеснулась вооруженная толпа, одетая в военную форму, что придавало ей уверенности и вседозволенности. Отсюда и выстрелы и днем, и ночью, и вооруженные дежурные в подворотнях для охраны домов от бандитов.

В Петроград я прибыл вчера вечером. И хотя был в курсе происходящих здесь событий, тем не менее, действитель-

ность оказалась еще более ужасной. Я успел только доложить по телефону своему начальству о прибытии и выполнении задания и сразу бросился на кровать. Поэтому столь ранний звонок и тон ротмистра свидетельствовали об очень серьезных событиях, которые произошли в мое отсутствие и в которых, по его замыслу, мне отводилась определенная роль. Я терялся в догадках: что же произошло, что заставило моего начальника назначить встречу не в департаменте, а на конспиративной квартире?

Эти мысли занимали меня, пока я пытался выловить извозчика. Добираться пешком на Васильевский остров было долго и проблематично. Наконец послышался цокот копыт, и из-за поворота показалась коляска. Я призывно махнул рукой, и извозчик плавно остановился передо мною.

– Чего изволите, барин? – спросил он густым басом.

– На Васильевский, – ответил я.

– Дык чичас туды сложно, барин. Пять целковых будет, – и хитро посмотрел на меня.

– Что-то дороговато, – удивился я.

– Да ить по нонешним временам и это за так. То стреляют, то отымают, то реквизуют, туды их в качель. Совсем життя нету, – и в сердцах сплюнул.

– Ладно, – сказал я и запрыгнул в коляску, – гони.

Он дернул вожжами, и коляска, мягко покачиваясь на рессорах, понесла нас вперед. Солнце начало все чаще показываться из-за туч, окрашивая в теплые тона то верхушки до-

мов, то мостовую, по которой мы мчались. Все чаще стали попадаться прохожие, которые изредка бросали боязливые взгляды на летевший по мостовой экипаж, словно предчувствуя что-то неожиданное с его стороны. Убаюканный мерным топотом копыт, я позволил себе немножко расслабиться, вернувшись к тем мыслям, которые не давали мне покоя после звонка ротмистра.

Проскочив множество переулков и мостов, которые были уже сведены, мы вскоре прибыли на место. Расплатившись с извозчиком за несколько домов от нужного мне места, я пешком через дворы и проулки добрался до намеченного подъезда. Это было, в общем, несложно, так как прохожие уже буйной рекою заполонили ранее безлюдные улицы города, всем своим видом показывая сложность переживаемых страной проблем. Все-таки шла война – война, которая стала барьером на пути многих судеб, сломала и исковеркала многие жизни, отбросила общество вниз на первые ступени той лестницы, о вершинах которой каждый мечтал всю жизнь. На улице в основном пребывала серо-шинельная масса, которая галдела, бряцала оружием, курила махорку и лузгала семечки, косо поглядывая на офицеров и опрятно одетых горожан. Смешавшись с этой толпой и не привлекая к себе внимания, я достиг нужного места. Оглядевшись перед подъездом на куполообразный вход во двор и серые громадины домов, возвышающихся в этом каменном колодце, и не заметив ничего подозрительного, я проскользнул в подъ-

езд. Поднявшись на третий этаж, я прислушался и позвонил условным кодом. Дверь открылась почти сразу. В полумраке прихожей передо мною стоял мой начальник. Одной рукой он придерживал дверь, другой сжимал в кармане пиджака рукоятку револьвера. Увидев меня, он отступил на шаг, пропуская меня вовнутрь.

– Доброе утро, господин ротмистр, – поприветствовал его я.

– Доброе, да не очень, – буркнул он, закрывая дверь и давая мне возможность пройти в освещенную гостиную. – Располагайтесь, – и приглашающим жестом он указал на кресла, стоящие в углу большой комнаты.

Опустившись в кресло рядом со мною, он достал серебряный портсигар с родовым вензелем на крышке, открыл его, вынул папиросу и элегантным жестом прикурил ее. Дым медленно поплыл вверх, наполняя ароматом крепкого турецкого табака всю комнату. Я сидел, молча ожидая разъяснений по поводу столь срочного вызова, следя за струйками дыма, которые периодически выбрасывали вверх легкие и ноздри ротмистра. В свою очередь, и он не нарушал молчания, словно прислушиваясь к себе и тем мыслям, которые бродили в его голове. Время от времени он бросал на меня внимательный взгляд, словно испытывая мое терпение и выдержку. Считая неудобным рассматривать в упор свое непосредственное начальство, я перевел взгляд на стоящие на камине часы, стрелка которых как бы замерла на одном ме-

сте, что говорило о том, что здесь нечасто бывают «посетители». Комната была обставлена довольно уютно и освещалась лампой под зеленым абажуром, что придавало всем предметам, находящимся здесь, своеобразный цвет, действующий если не расслабляюще, то, по крайней мере, успокаивающе. Однако чувствовалась и какая-то неестественность в расположении здесь отдельных предметов, кое-где проблескивала пыль, что свидетельствовало об отсутствии здесь постоянных жильцов.

– Вы не заметили за собой слежки? – наконец нарушил молчание ротмистр, гася выкуренную папиросу в массивной бронзовой пепельнице, стоящей на столе.

– Нет, – ответил я, понимая, что это всего лишь дежурный вопрос, который должен был послужить началом беседы. Однако вопреки моим ожиданиям ротмистр лишь кивнул головою и, достав новую папиросу, снова закурил, продолжая молча выбрасывать дым в потолок в уже пропахшей табаком комнате.

Я вновь был предоставлен своим мыслям, недоумевая, что же произошло. Почему я, прилетев сломя голову на встречу, вот уже минут десять сижу с молчаливым собеседником и «наслаждаюсь» ароматом его папирос фирмы «Дукат»? Хотя он и обладал завидной выдержкой, его сегодняшнее поведение говорило о том, что случилось что-то экстраординарное, и прежде чем начать разговор об этом, ротмистр должен был собраться с мыслями и сообщить мне ровно столько, сколь-

ко следовало мне знать. Это было непреложным правилом нашей службы, службы, занимающейся специальными действиями по охране Его Императорского Величества Николая II и его семьи. И хотя мы формально входили в состав Третьей Тайной канцелярии Его Императорского Величества, нигде в бумагах не значились и не подчинялись начальнику личной охраны императора генералу Коковцеву.

Сидевший передо мной мой начальник числился интендантом по хозяйственной части дворового ведомства и формально занимался вопросами снабжения огромного хозяйства императорского двора, имея соответствующий штат чиновников и множество хозяйственных служб. Но мало кто знал об истинной деятельности ротмистра, от внимания которого не ускользало ничего, что происходило на дворцовой «кухне», не только в области снабжения и питания царской семьи, но и окружающей политической обстановки. Более того, он имел обширное досье не только на членов большой царской семьи, но и на всех политических деятелей, военных, артистов, купцов – поставщиков двора Его Императорского Величества, и на множество других людей, которые хоть когда-либо имели контакты не только с царем, но и с ближайшим его окружением. К примеру, в досье на князей Юсуповых было записано, что основателем рода является хан ногайской орды Юсуф-Мурза, отославший своих сыновей ко двору московского царя Ивана Грозного. За это их род был проклят, и из всех рожденных в одном поколении Юсу-

повых до двадцати шести лет доживал всего один ребенок, и это до тех пор, пока рода не станет. Это давало возможность нашей службе прогнозировать развитие тех или иных событий, определенным образом влиять на них и устранять или предотвращать возможные негативные последствия. Однако эта работа была возможна в рамках цивилизованного развития, а не той ситуации, которая сегодня складывалась в стране.

Многие боялись ротмистра, догадываясь о его деятельности, некоторые заискивали перед ним, пытаясь купить его расположение и через него приблизиться к особе императора. Однако он был предельно честен, неподкупен и самолюбив, к тому же был аристократом, обладавшим значительными средствами. Стержнем всей своей деятельности он считал служение монархии и процветание Отечества. По его глубокому убеждению, без этого России будет сложно выжить в мире, все более разъедаемом страстями и непрерывными войнами. Происходя из знатного древнего рода, он и сотрудников подбирал по этим критериям, проверяя их на определенных делах, постепенно приближая к главным тайнам и идеалам, исповедуемым им самим и его единомышленниками.

Я попал в круг этих чиновников по наследству, как бы парадоксально это ни звучало. Род наш такой же древний и знатный, как и род ротмистра. И этот вид деятельности – охрана основ и традиций мироздания – стала нашим пред-

назначением и передавалась из поколения в поколение. Мои предки занимались этим по велению свыше, оттачивая свое мастерство, вникая в тайны основ мироздания, передавая накопленный опыт последующему поколению не только в виде наглядных примеров, но и фиксируя все действия и события в определенной летописи с тщательным анализом и уроками на будущее. Все это хранилось в архиве, который был продублирован и рассредоточен в разных местах. И я с рождения готовился к этой миссии, пройдя, как и мои предшественники, все стадии не только светского, но и специального индивидуального обучения, которое дало мне возможность владеть не только тайнами кулачного боя, древних боевых искусств и магией казаков-характерников, но и уходить в зазеркалье, читать мысли собеседника, а при крайней необходимости проводить невротические манипуляции и гипнотические действия, делающие меня невидимым для окружающих, или превращаться в одного из братьев наших меньших. Практические навыки в этом деле я получал в разных местах. Так, в Смоленской губернии меня включили в группу юношей, которые должны были там пройти обряд инициации, то есть вступления в мужской союз. Если у кого-нибудь получалось перевоплощение в волка или медведя, то ему разрешали жениться. Если нет, то все повторяется до тех пор, пока он не научится делать это. У некоторых все получается сразу, другие осваивают такой обряд только со второй или третьей попытки, ну а остальным остается всю

жизнь ходить бобылем. Не скажу, что у меня это получилось сразу. Если у большинства мастерство как-то передавалось по наследству, то мне пришлось все осваивать заново. Позднее я шлифовал эти навыки, чтобы закрепить их и довести его до автоматизма. Все, что я умел, было приобретено годами тренировок и постоянным внутренним самосовершенствованием своего мироощущения, концентрацией воли и чувств. Естественно, значительной части этих моих качеств ротмистр не знал, хотя возможно, догадывался, учитывая мою родословную и те миссии, которые выполнял я и мои предки.

Диплом я имел императорского высшего технического училища и числился согласно дворцовому ведомству чиновником по особым поручениям при моем начальнике. Я и выполнял отдельные поручения императорской семьи, за что неоднократно поощрялся и продвигался по служебной лестнице. Интересна была моя поездка в Америку, где я занимался проблемой заказа, изготовления и доставки легкового автомобиля «Паккард» для императрицы Марии Федоровны. Я присутствовал на заводе в Дейтроне при его сборке, отладке, а затем пароходом он был доставлен в столицу. Автомобиль был сделан на совесть и моей задачей было проследить, чтобы там не оказалось ничего «лишнего» из ненужных частей и чтобы аура автомобиля оставалась предельно чистой. Это был красавец автомобиль с позолоченной решеткой радиатора и такими же широко выпуклыми фарами. В каби-

не кроме водителя могли свободо разместиться четыре человека. Сиденья были обтянуты темно-вишневой тисненой кожей, а на дверях располагались карманы для различных мелочей. Одним словом, он являл собой образец шика, комфорта и роскоши.

Кроме того, я спас жизнь самому государю императору Николаю II в ходе боевых действий на юго-западном фронте, в результате чего я был награжден Георгиевским крестом, который император самолично снял со своей груди и прикрепил на мою, и холодным именным анненовским оружием. Согласно Табели о рангах я был коллежским асессором, а по основной линии своей негласной работы носил погоны поручика, хотя формой пользовался не особенно часто. Моя специфическая служба давала мне возможность носить различного звания и ранга мундиры и одежду. Поэтому в шифоньерах на отдельных моих квартирах висело множество форм и униформ и морского, и казачьего, и артиллерийского, и других ведомств. Пользование ими зависело от того, какие конкретные задания мне приходилось выполнять. Сегодня я был одет в штатский двубортный пиджак и темную манишку с жилетом. Оружие я не носил принципиально. В случае чего я в основном обходился руками и крепкой тростью, которую всегда носил с собою.

Наконец, докурив вторую папиросу и нервно бросив ее остатки в пепельницу, ротмистр пристально взглянул на меня, всем своим видом демонстрируя, что он готов к основной

части нашей срочной встречи.

– Милостивый государь, – сказал он. – Вам известна обстановка, которая сложилась в стране за период вашего отсутствия здесь?

– В общих чертах, – ответил я.

– Позвольте тогда вам немножко обрисовать ее, – продолжил он и, резко встав с кресла, принялся расхаживать по комнате, выдавая тем самым волнение, охватившее его.

– Дело в том, что государь-император отрекся от престола, а вернее сказать, его бывшие «верноподданные» заставили его сделать это в самый ответственный момент жизни нашего государства, не оставив ему никакого выбора. Самое страшное, что они не понимают, или наоборот, хорошо понимают, что творят. Словно какие-то шоры пали им на глаза, и они мчатся к пропасти, не думая ни о себе, ни о нашей великой державе. Не только в стране, столице, генштабе, армии, но и в окружении императора царит предательство, шляются всякие темные личности, я уже не говорю о прямых агентах, которые разносят всевозможные слухи, подбивают охрану царя к неподчинению, ведут все к тому, чтобы уничтожить сначала символ России, а затем и погубить всю страну. В этом, как ни парадоксально, заинтересованы не только министры, но и сам начальник охраны генерал Коковцев. Эта сеть клеветников и прямых шпионов настолько густая, многоплановая и многовариантная, представляющая интересы практически всех стран, что разрубить ее оказывается достаточно слож-

ным делом. Я потихонечку начал распутывать этот клубок, стал подбираться к главному режиссеру этого «спектакля», занимающему достаточно высокий пост и находящемуся в почете у царя, так что совсем непросто будет его уличить в антигосударственных делах. Вполне очевидно, что он почувствовал это и привел в действие все свои силы, которые в итоге и способствовали отречению императора от престола. На это не жалели ни денег, ни средств. По агентурным данным, события 1905 года были прелюдией к нынешней ситуации. Тогда на политической арене появился новый игрок – Америка, которая проявила очень большой интерес к нашему Дальнему Востоку, почувствовав вкус Аляски. Кстати, мы продать-то ее продали, а деньги в размере одиннадцати миллионов рублей золотом до сих пор не получили. Барк «Оркни», который вез эти средства, большая часть которых была в золотых слитках, по невыясненным обстоятельствам затонул в Балтийском море 16 июля 1868 года. И претензии вроде бы предъявлять некому, а денег государство не досчиталось. А в период гражданской войны в Америке царь Александр II, царь крепостнической России, не только выделил денежный кредит северянам, подчеркиваю северянам, а не рабовладельцам-южанам, которым отказали Франция и другие страны, но и послал две военных эскадры для поддержки Севера, что способствовало его победе в братоубийственной войне.

А чем они нам отвечают? В Японии наших пленных сол-

дат специально подготовленные агитаторы и проповедники американского происхождения начинают обрабатывать, расшатывая у них нравственные устои, подвергая сомнению постулаты православия и основу основ государственного устройства – самодержавие. Во что это обошлось стране, вы сами отлично знаете. Я не хочу сказать, что это дело только одних американцев. Нет, здесь приняли активное участие и другие страны, которые, хотя сейчас и находятся по разные стороны баррикады, тем не менее, в противодействии России находят общий язык. Так вот, эта работа не прекращалась ни на минуту, ведется она и сейчас. Как видите, она дает свои отрицательные плоды. Народ, подогретый со всех сторон, ничего не видит вокруг, бунтует, грабит, открывает фронт для противника и кричит о равенстве и братстве. Конечно, здесь есть вина и наших политиков, и чиновников. В столице, несмотря на сложное военное время и беспредел, работают все магазины, в продаже имеется практически все, пусть немного по завышенным ценам – усиленно кричат о голоде. Петербург стал прибежищем для бандитов всех мастей, которые под лозунгом революции собирают различного рода банды и начинают грабить горожан. Полиции практически нет, потому жильцы создают домовые комитеты из офицеров, которые с оружием в руках защищают дома. Временное правительство пребывает в стадии эйфории и не в состоянии навести порядок в стране. Мало того, у них хватило наглости вчера арестовать государя. Этот колченогий

«душка» Керенский, как называют его газеты, сам приехал во дворец, заменил охрану и объявил царю о его аресте. Слава Богу, что нам удалось не допустить физического устранения царской семьи. Однако ситуация очень обманчива. Пока он со своей семьей находится в Царском Селе.

«Слава Богу, – подумал я, – наконец-то он подошел к основному моменту, ради которого и вызвал меня. Что я могу сделать в этой ситуации? В чем будет заключаться моя задача? Что он хочет от меня? Я ведь только вернулся из Англии, куда сопровождал груз золота, в количестве 5,5 тонн». Эти средства были оплатой оружия, которое Англия как союзник обязалась поставить России. Располагая акциями Ленских золотых приисков, царь решил отправить в английские банки и свое личное золото, которое также шло на закупку оружия, а частично на личный счет царской семьи. Вообще Николай II долю своих личных средств держал в банках Германии, но с началом войны посчитал это не патриотичным и снял эти деньги, направив их на закупку вооружения для армии. Я целый месяц провел в дороге и на поездах, и на кораблях вместе с двумя своими помощниками, пока не добрался до Англии и не сдал в банк все до последнего грамма, о чем привез соответствующие документы. Об этом я и собирался сегодня доложить ротмистру, захватив эти бумаги с собой.

Ротмистр закурил третью папиросу и продолжил монолог:

– Чтобы обезопасить государя, мы стали проводить опре-

деленную работу и среди членов Временного правительства, и среди иностранных посольств с целью вывоза царской семьи за границу, до прояснения ситуации. Однако эти переговоры находятся в начальной стадии, а царю угрожает реальная опасность. Поэтому я отдал приказ нашим людям постоянно следить за царской семьей, новой охраной и всеми средствами противодействовать любым попыткам, угрожающим их жизни. К сожалению, наших людей там мало. Старая проверенная охрана почти вся разбежалась. Многие охвачены революционным порывом, даже некоторые члены царской семьи, а царя называют «гражданин Романов». Я удивляюсь, как у него хватает силы выдерживать все это.

Ротмистр остановился и вновь потянулся к портсигару.

– Так вот, – сказал он, – государь хочет встретиться с вами и лично поручить еще одно дело. Речь идет о том, что пока длилась «катавасия» со всеми этими государственными проблемами, я посоветовал государю собрать личные вещи и переправить их в одну из стран-союзниц, а именно в Англию. Сейчас мы об этом ведем переговоры. Учитывая доверительные отношения Николая II с английским королем Георгом V, я думаю, проблем не будет. Мы рекомендовали царской семье взять минимум вещей на первое время, семейных реликвий, каких-то раритетов, икон и т.д. Тем не менее, набралось 150 ящиков. Вчера еще возможно было свободно их вывезти из дворца, а сегодня в связи с заменой охраны и сложившейся ситуацией это проблематично. Поэтому он

хочет встретиться с вами и обсудить детали.

Закончив говорить, ротмистр глубоко затянулся папиросой и вопросительно посмотрел на меня.

– Какие у вас будут предложения на этот счет? – спросил он.

– Сложная задача, – ответил я, прикидывая все возможные варианты за и против. – Тем более, что его обвиняют в том, что он постоянно грабил народ, допустил братоубийственную войну. Достаточно посмотреть карикатуры на царя, которыми пестрят нынешние газеты, чтобы понять, что официально мы эту проблему не решим. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

– Времени нет, – резко, словно отрубив, воскликнул ротмистр, – как и надежных людей, на которых можно положиться. Вам придется обходиться своими силами и наработанными связями. Средства на эту операцию возьмете из резервного фонда. Решить эту задачу необходимо не в ближайшие дни, а часы. Мы обязаны обеспечить царской семье достойную жизнь за границей.

«Да, – подумал я, – серьезная работа мне предстоит, тем более, в этой нестабильной ситуации, когда рассчитывать можно только на себя. Старых органов власти практически уже нет, а новые только в проекте и настроены совсем не в нашу сторону. Люди шокированы. Многие стоят перед выбором, в какую сторону идти, и поэтому не сдвинутся с места, чтобы помочь. А посему помощи ждать неоткуда, осо-

бенно когда речь идет о таком грузе, как вещи самого императора, даже отрекшегося от престола. Пусть один, два, ну десять ящиков, – нет, целых 150 деревянных сундуков, набитых до отказа!»

– Как я теперь попаду во дворец? – спросил я ротмистра.

– Не знаю, – просто ответил он. – Не мне вас учить, не такие проблемы решали. Главное состоит в том, чтобы вы как можно быстрее встретились с царем и приступили к выполнению поставленной задачи. Вам все ясно, поручик?

– Так точно, – ответил я, вставая с кресла и становясь по стойке смирно.

– Желаю успеха, – сказал ротмистр и протянул руку. – В случае крайней необходимости, вы знаете, как меня найти. Каналы связи остаются пока без изменений.

– Желаю здравствовать, – ответил я и, пожав протянутую руку, направился к выходу.

– Желаю успеха, – на прощание сказал мне ротмистр. – От выполнения этого задания зависит очень многое.

Эта многозначительная фраза прозвучала уже за моей спиной, когда я закрывал дверь квартиры на лестничной площадке.

Выйдя из подъезда, я остановился на секунду в колодце двора, куда еще не проникало солнце, чтобы вдохнуть почти весеннего воздуха и проветрить легкие от дыма папирос ротмистра. Было свежо и морозно. Попав через дворовую арку на улицу, я сразу окунулся в толпу, которая, что-

то восторженно галдя, двигалась к центру города. Я решил пройтись пешком, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию и прочувствовать обстановку, в которой сегодня живет столица. Нужно было войти в образ, а для этого общение с толпой было наилучшим средством, чтобы узнать не только ее настроение, но и последние «сплетни», а главное – выбрать типаж, который мог стать моим вторым «я» при выполнении задания. Да и извозчика найти в такой ситуации было проблематично. Поэтому я, влившись в толпу, вместе с ней двинулся к центру. Слева и справа качались солдатские шинели и рабочие картузы, которые порой разбавлялись мелькающей стайкой женских платьев, пальто и муфт. Толпа радостно галдела, слышались возгласы и выкрики. Порой на тумбах набережной встречались агитаторы, которые осипшим голосом кричали о немедленном прекращении войны, мире без контрибуций и созыве учредительного собрания. Мальчишки-газетчики, мелькая в толпе, добавляли в этот гул свои звонкие голоса, выкрикивая названия газетных статей и махая бумажными свертками в воздухе. Я поймал за плечо одного из них, купил газету и стал на ходу ее бегло просматривать. В газете крупным шрифтом сообщалось об аресте царя и назначении генерала Корнилова на должность командующего Петроградским военным округом по просьбе Временного правительства, который, кстати, и объявил об аресте царской семьи. «И этот туда же», – подумал я с горечью. – Боевой генерал, а лезет в политику. Что же происходит, ес-

ли даже такие генералы, как Корнилов и Алексеев забыли свои прямые обязанности по защите Отечества и бросились сломя голову в завораживающий омут революционных страстей? Что будет с Россией? Что будет с государем-императором?» Так, рассуждая на эту тему, я не заметил, как добрался до дома.

Проскочив мимо привратника, я поднялся на свой второй этаж и вошел в квартиру, которую недавно так спешно покинул. Быстро раздевшись, я принял душ и переоделся в военный френч и шинель без погон. Глянув в зеркало и придав своему лицу туповато-серьезное выражение, я вышел из квартиры.

Кабинет: история в рукописи, или «Янтарная табакерка»

Перед тем как посетить Царское, я отправился в Гатчину, чтобы ознакомиться с документами, касающимися кабинета. Дело в том, что кроме оригиналов, поступающих от наших хранителей со всех концов света, имелись еще по две копии, которые хранились в более доступных местах, так сказать, ближе к «театру действий». Они были зашифрованы определенным образом и прочесть их мог только человек, знающий этот шифр. Одни были написаны древесным письмом, другие – узелковой письменностью, некоторые совмещали в себе три компонента, в состав которых как элемент

вводилось цифровое письмо и т.д. Накопленная в архиве информация являлась важным источником знаний, которые давали возможность принять правильное решение стоящей проблемы, давали возможность установить причинно-следственные связи и подобрать соответствующие действия и инструменты. Меня начинала мучить еще не полнолстью сложившаяся мысль о том, что за всем тем, что сегодня происходит в стране стоит и еще что-то, не совсем понятное, уходящее своими истоками в темное прошлое. Нужно было во что бы то ни стало докопаться до истины.

Войдя в подземное хранилище, расположенное под одним из многочисленных деревянных домиков, позднее обложенных кирпичом, я зажег свечу и по каталогу среди огромного количества деревянных ящиков и выдолбленных дубовых колод, в которых хранились документы, написанные узелковым письмом, нашел нужный и, сверяясь с ведомостью, достал тот документ, который меня интересовал. Присев тут же рядом, я пристроил свечу так, чтобы она не погасла от воздуха, который поступал сюда через вентиляционные отверстия, и вскрыл конверт, взломав сургучную печать с вензелем на ней. Внутри оказалось несколько листов пожелтевшей бумаги, написанных выцветшими чернилами древесно-цифровым письмом. Закрыв глаза, я путем медитации восстановил в памяти алфавит этих стилей, логику их построения и принялся за чтение.

Информация была от поручика, князя Михаила Долгору-

кого, входившего в малый круг соратников Петра I и сопровождавшего его с посольством в Пруссию. Оно датировалось 1717 годом. То, что удалось выяснить, ему было очень интересным, тем более, что Долгорукий указывал на источники тех сведений, которые он собрал и обобщил в данном «нижайшем докладе» о комнате «солнечного камня», мастерах, сотворивших ее и непредосудительном мнении о ее возможных свойствах. Раскрывалась история создания кабинета и события, связанные с этим. Как и положено, он делал свой доклад в описательной форме, вставляя туда выдержки из деловых документов, с которыми ему удалось ознакомиться.

Суть событий заключалась в следующем. Фридрих I, озабоченный проблемой расширения своего государства, пытался быть похожим на Фридриха Барбароссу и всеми силами и имеющимися немногочисленными ресурсами, которые были в его распоряжении, «сшивал» разрозненное немецкое государство в единое целое. Мечты о Римской империи в немецком понимании этого вопроса не выходили из его головы. Однако его ресурсы были ограничены. Находясь в натянутых отношениях с папским престолом, он разрешил действовать у себя в стране масонскому ордену розенкрейцеров, перед которыми была поставлена задача способствовать объединению Германии, распространять ее влияние на другие страны и конечной целью которого должно стать создание империи. Но обстоятельства складывались таким образом, что непрерывные войны, которые шли в этот период, исто-

щили и без того скудную королевскую казну, поэтому необходимо было срочно искать новые источники поступления средств, так как влиятельные правители основных немецких княжеств не горели желанием расставаться со своей властью и тем более, развязывать свои кошельки перед королем. Понимая это, Фридрих I пригласил к себе одного из иерархов масонской ложи и высказал пожелание, чтобы орден нашел новые пути к княжеским сердцам и к немцам в целом, чтобы они прониклись идеей единой Германии под прусским началом.

Это была достаточно сложная задача. Если материальные способы ее решения не срабатывали, нужно было искать совершенно другие пути, которые лежали за пределами возможного и опирались на совершенно иные ресурсы. Многие попытки членов ордена повлиять на отдельных князей различными имеющимися в их распоряжении способами и ритуалами не срабатывали. Нужно было что-то грандиозное, нестандартное, которое работало бы на людей изнутри и подводило их к реализации той цели, которую поставил король. На решение этого были брошены все силы. Гонцы скакали по всей стране, по нескольку раз пересекая границы и таможни, отделявшие княжества друг от друга. Непрерывно заседали ложи, выдвигая и тут же отвергая появившиеся в результате обсуждения идеи. Время неумолимо бежало вперед, а к решению задачи не продвинулись ни на шаг. Казалось, уперлись в тупик, который все больше подводил к мысли, что эту

проблему нельзя решить. Но, как всегда, помог случай…

****

Отстраивая свои новые апартаменты в берлинском дворце Шарлоттенбург, король созвал своих советников с целью уточнения архитектурных планов по обустройству дворца. После непредвзятого обмена мнениями у главного королевского архитектора Андреаса Шлюттера возникла идея создать во дворце янтарную комнату, которая служила бы своего рода специальной камерой, генерирующей идеи короля и на базе этого формирующей немецкую нацию, как магнит притягивая к себе разобщенный немецкий народ.

Дождавшись окончания совета, архитектор попросил аудиенции у короля, во время которой и поделился с ним своей идеей. Выслушав предложение, Фридрих I сказал, что подумает над этим и сообщит позже о своем решении. Положение королевства было достаточно сложным. Здесь перемешались и география, и политика. Понятно, что географическое положение Пруссии требовало такой политики, которая бы не воспринималась как военная угроза со стороны этнически близких соседних государств. Однако открытость границ и территориальная разбросанность принадлежащих королевству земель требовали напряженной балансировки на грани возможностей из-за постоянного внешнего, часто внезапно меняющегося давления. Решить эту про-

блему можно было только объединением и присоединением территорий, прерывающих географическую целостность государства. Поэтому необходимо было срочно создавать базу, которая позволила бы начать игру на международной арене с такими крупными игроками, как Франция, Англия и Россия. Второй путь – это подчиниться политическому влиянию этих сильных соседей и позволить им контролировать свою политику. В первом случае Пруссия или теряла все, или достигала своей заветной цели. Во втором – становилась марионеткой.

Неукротимая воля к власти и огромный организаторский талант Гогенцоллернов не позволили Фридриху I отступить. Он взял курс на создание боеспособной армии, которая смогла бы вести войну против любого противника и защитить свои земли. Армия поглощала все ресурсы страны, которая была практически бедной, не имевшей никаких природных богатств, необходимых для создания военной промышленности. И с населением была проблема. Откуда набирать рекрутов в армию, если по территории Пруссия занимала десятое место среди европейских стран, а по численности населения – тринадцатое? В 1700 году здесь проживал всего 31 млн. человек. Поэтому курс был взят на создание относительно небольшой, но очень мобильной и боеспособной армии, формируемой из всех сословий и близлежащих государств. И в принципе цель была достигнута. Непрерывно бушующие на континенте войны показали, что прусская

армия по своей выучке и боеспособности стояла где-то на 3-4 месте в Европе.

Однако этого было недостаточно. Следовало найти что-то новое и необычное, которое заставило бы немцев сплотиться и признать верховенство Пруссии. Как показала практика, силой сделать это было достаточно сложно. Нужны были новые инструменты на запредельном уровне, которые воспитают и внедрят в сознание немецкий дух, сделают нацию единой. Это нужно решать в первую очередь в духовном плане. А что, если объединить предложения Шлюттера и возможности ордена? Может, это решит ту задачу, над разрешением которой король бьется уже столько лет? Тем более, что решения Фридрих I всегда принимал единолично, с прусской педантичностью раскладывая все по полочкам. Он на минуту представил себе, как он будет думать и рассуждать в роскошном янтарном кабинете, и его мысли и решения, умноженные многократно той силой, которая будет заложена в кабинете, словно волны, распространятся по всей Германии и будут притягивать к нему не только все новых и новых сторонников, но вместе с ними и новые территории, страны и континенты! От этих мыслей ему стало жарко. Он расстегнул свой военный мундир и уставился на лениво пляшущий огонь в камине, который в силу уже устоявшейся привычки к экономии топился чуть-чуть. Затем уселся в кресло, стоявшее возле камина, и погрузился в свои мысли, представляя по этапам, что может выйти из того, если этот кабинет

получится таким, каким он его себе задумал.

Для солидности король выдержал целую неделю, а затем пригласил к себе на аудиенцию Великого магистра. Расположившись в кресле напротив гостя, Фридрих I со свойственной ему прямотой сразу поставил вопрос ребром.

– Вы уверены, что все получится так, как задумано? Что мы получим тот результат, на который рассчитываем? Не будет ли обратного эффекта, эффекта отражения? Ведь тогда все наши планы нарушатся. Кроме денег мы можем потерять все: время, престиж, доверие и так далее.

Выслушав его монолог, Магистр мягко заметил:

– Это сложный вопрос, и однозначно на него ответить нельзя. Дело в том, что такая комната будет создаваться впервые. Наши специалисты уже занимаются ее проектированием и расчетами. Сложность заключается в том, что необходимо найти соответствующую сакральную геометрию, которая бы хорошо сочеталась с духовными задачами и цифровой нумерологией этих всех параметров. После проектирования необходимо подобрать во дворце соответствующую комнату, смонтировать кабинет и зарядить его. Кроме того, необходимо какое-то время для того, чтобы откорректировать все параметры панелей и с Вашей помощью настроить и запустить ее на полную мощность. Первые результаты мы сможем увидеть, когда соберем все в единое целое и начнем настраивать. И если все будет благополучно, так как Вы, Ваше Королевское Величество, планируете, то предела Вашим

возможностям и желаниям, усиленным Вами в янтарном кабинете, не будет.

Магистр знал, что сказать. Он, с одной стороны, и подстраховался на случай возможных неожиданностей, учитывая педантичность и осторожность короля, с другой – ненавязчиво подтвердил его тайные мысли, которые простирались очень далеко и давали теперь, в перспективе, базу, на которую он мог опереться.

Несмотря на открывшиеся возможности, Фридрих сомневался. Он, привыкший всю жизнь экономить каждый пфенинг, который шел на его любимое детище – армию, не готов был к затратам на изготовление янтарного кабинета. Еще не было ясно, каким он будет: займет целую комнату или это будут панели, вмонтированные в одну из стен в его кабинете. И самое главное – сколько это будет стоить казне? Насколько он не додаст армии, и как это отразится на ее боеспособности? Вспомнив об этом, король расстроился, быстро вскочил на ноги и широкими шагами стал мерить комнату. Какое принять решение? Отказаться? А вдруг этот отказ станет отказом от того, самого главного рычага, который ему так необходим для реализации грандиозных планов? Тем более, что сегодня и обстановка вроде соответствует имеющимся возможностям. Городская молодежь по всей Германии почитала его за те победы, которые он одержал над французами и русскими. Он по всей стране, несмотря на ее разобщенность, считался национальным героем. И если поймать эту волну

и усилить ее с помощью того, что ему предлагают создать, то можно будет рассчитывать на формирование подлинной немецкой нации, пропитанной прусским духом. Да, открывающиеся перспективы заставляли терять покой и постепенно перевешивали чашу весов в сторону согласия с предложенным проектом. Необходимо было принимать кардинальное решение, так как время благоприятное для этого могло в любой момент уйти.

– Так вы уверены, что все получится? – еще раз уточнил король.

– Без сомнения. Мы будем делать все, чтобы это было так, – уклончиво и в то же время утвердительно ответил магистр.

– Хорошо, я согласен, – после некоторого раздумья ответил король. – Вы все детали обсудите со Шлюттером.

Он встал, слегка кивнул магистру и быстро вышел из комнаты, тем самым давая понять, что аудиенция окончена, решение им принято, и пора приступать к его выполнению. Магистр тяжело вздохнул, как бы с трудом поднялся с места и, сгорбившись, немного приволакивая ногу, направился к выходу из кабинета. Согласие Фридриха тяжелым бременем легло на его плечи. Необходимо было просчитать все возможности, которые сулило ордену успешное выполнение этой архисложной задачи, и все те неприятности, которые могут обрушиться на него в случае неблагоприятного исхода.

Вечером магистр вызвал к себе Шлюттера для обсужде-

ния всех дел, связанных с созданием янтарного шедевра.

– Дорогой брат, – обратился он к нему, – как вы себе представляете это архитектурное сооружение, ведь оно должно по своей геометрии отражать основы мироздания и усиливать наши возможности по выходу в пространство бытия. Его символическое значение должно отражать наши цели и задачи, а также решать задачи, поставленные королем, и усиливать через это наше влияние на него. Кроме того, любой, кто попадет в эту комнату, должен будет стать нашим союзником под ее сакральным влиянием и даже на расстоянии чувствовать на себе эту силу. Затем, как построить всю геометрическую и резонансную структуру комнаты, взяв за основу главную идею Фридриха и его личность? Причем сделать это так, чтобы не помешать нашим задачам и не допустить разбалансирования, а наоборот, соединить это все в единое целое. И как постоянно подпитывать тонкими материями энергетику комнаты? Если Фридрих будет работать постоянно в ней, то как наши задачи вкладывать в его разум? И как потом реализовывать наши идеи, которые выйдут из этого янтарного кабинета в виде приказов короля? Видите, сколько вопросов! Кто может дать на них ответ, кроме вас, главного исполнителя этого проекта?

– У меня нет пока ответов на все ваши вопросы, – ответил Шлюттер. – И чем больше я занимаюсь этим, тем больше у меня появляется проблем. Никто еще никогда не решал такой грандиозной задачи. Те все предметы, которыми

мы пользуемся при наших ритуалах, имеют чисто символическое значение. А то, что мы хотим сделать сейчас, это уже символика, переходящая в плоскость практики. Ведь кабинет не должен быть предметом интерьера, он должен работать, должен излучать волны особой интенсивности, которые будут влиять на немцев так, как мы захотим. Это очень сложная задача, она примерно равносильна гипнозу, которому подвергается человек. Однако здесь сила влияния должна быть в несколько раз больше, так как не каждый в полной мере воспринимает гипноз. Это должно быть состояние ясности понимания той задачи, которую мы ставим, и хотя она приходит к человеку извне, он должен воспринимать ее как свою выстраданную мысль или идею, и, разумеется, решать ее с полной ответственностью. Конечно будет и дублирование мыслей, и какие-то отклонения и ответвления, но в целом она должна очень сильно влиять на народ.

Шлюттер тяжело вздохнул и, положив ногу на ногу, медленно продолжил:

– Я долго размышлял на эту тему и могу в целом доложить о том, как я вижу решение этой задачи. Во-первых, все зависит от основы. Поэтому мы должны подобрать соответствующий материал, который бы отвечал определенным частотам колебания. Ведь янтарь – это естественный, живой материал, который сформировался в особых условиях и несет в себе энергетику той микросреды, территории и тех живых существ, которые в силу ряда причин попали в его плен, ко-

гда янтарь был еще жидкой субстанцией. Превращаясь в камень, он закалялся, впитывая в себя окружающие энергетические потоки, становясь резонатором и передатчиком этой энергии. Поэтому материал надо отбирать очень тщательно, с учетом энергетики, цвета камня и той местности, которая соответствует нашим требованиям. Второй вопрос: как геометрически соотнести эту энергетику с энергетикой тех древних организмов, которые скрыты в янтаре? Их необходимо каким-то образом соединить на базе математических пропорций в пределах допустимого значения, которое необходимо нам. И самая главная задача: как всю эту энергетику сфокусировать на центральную часть, то есть на объект и, соответственно, в пространство с выходом на изменение определенных колебаний в зависимости от необходимых нам задач? Поэтому я считаю, что подбирать материал и особенно готовить из него соответствующие изделия должен только брат нашей ложи, полностью посвященный в то, что мы хотим сделать. Чем меньше людей будет прикасаться к отобранным для кабинета кускам янтаря, начиная от его добычи до перевозки в мастерскую, тем чище будет его первоначальная энергетика, ведь он ее впитывает очень быстро. Важно и внутреннее состояние мастера, поскольку оно будет отражаться в камне, ибо его обработка и является первичной энергетической настройкой. И потом надо определиться с основой, на которую будут навешиваться янтарные изделия. Олово не подходит, золото очень дорого, поэтому я бы оста-

новился на серебре. Этот лунный металл имеет очень много качеств, необходимых нам, и самое главное – он обладает хорошей энергопроводимостью и памятью, может накапливать и формировать определенные образы. Поэтому многие ритуальные изделия делаются из серебра, к тому же оно дешевле золота.

– Да, – медленно произнес магистр, – проблем много, а времени мало. Надо подключить всех к решению этой задачи. Ведь в случае успеха мы будем иметь все, ну а в противном случае, вы сами понимаете, чем это все может закончиться, учитывая характер Фридриха. – Что вы еще успели сделать, Андреас? – фамильярно спросил магистр.

– Определил место разработки янтаря: это известные вам карьеры в районе Кенигсберга. Подбираем рабочих для его добычи, как из числа уже там работающих, так и солдат которые соответствуют нашим требованиям. Кроме того, пересмотрели запасы янтаря, уже имеющиеся в королевстве. Отобрали наиболее пригодные куски и свезли их в мастерскую. Занимается этим вопросом наш брат, мастер Готфрид Туссо, который славится своими изделиями из янтаря. Я хотел бы, чтобы перед началом работы мы провели соответствующую мессу в мастерской и только после этого начали основную работу. Я очень волнуюсь, так как вполне вероятно, что мы можем получить вместо кабинета «кривое зеркало», поскольку это должен быть не обыкновенный магический хрусталь, а камера планетарного значения. Опыта в из-

готовлении таких вещей нет ни у кого, а уж тем более опыта ее настройки. Главное, создать в комнате приемный канал, который будет улавливать космический эфир, а там, после определенной обработки, он будет резонировать в заданом направлении, неся уже нужную нам информацию. Поэтому я решил, что этот приемный коридор будет в виде непрерывной галереи, плавно переходящей в кабинет. Общий чертеж уже готов, с учетом специфики материала, и я хотел бы, чтобы вы обсудили с королем и сам проект, и его стоимость.

– Во сколько это обойдется казне? – спросил магистр.

– Достаточно дорого, учитывая добычу, перевозку, обработку камня, создание из него нужных изделий, подготовку серебряной основы и монтирование настенных панелей. Однако, на мой взгляд, поставленная цель оправдает эти средства. Ведь это будут не куски янтаря, а ажурные прозрачные панели, конфигурацию и структуру которых мы сейчас отрабатываем. А все это стоит довольно дорого.

– Ты же знаешь скупость Фридриха, – сказал магистр. – Боюсь, что он не пойдет на большие расходы. Он каждый лишний пфенинг пускает на армию. Недаром же его прозвали «король-солдат». Это его главная государственная структура, орудие управления и любимое детище. Тут нужны серьезные аргументы, чтобы он открыл свой кошелек. Орден не может выделить на это дело ни одной монеты, это не в наших правилах. Поэтому давайте договоримся так. Определитесь с помещением, где будете монтировать этот янтарный

кабинет, затем, исходя из этого, просчитайте объемы работ и необходимые расходы. Причем не один, а два, три варианта по принципу от меньшего к большему. Только после этого я буду просить аудиенции у его величества.

– Хорошо, – сказал Шлюттер, – и, тяжело вздохнув, взял со стола развернутый чертежный набросок, молча поклонился магистру и вышел из комнаты.

После долгих бесед и согласований янтарный кабинет решили делать в берлинском дворце Шарлоттенбург, построенном по проекту Шлюттера. Здесь планировалось принимать неофициально всех знатных иностранных особ и вести с ними переговоры в этом кабинете, обустроив его на нужный лад. Планировалось, что проходя через галерею гости постепенно будут настраиваться на нужную волну, а войдя в него попадут под влияние его энергетики со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Около двух недель продолжалась подготовительная работа. Просчитывались все параметры: архитектуры, дворцовой этики, удобства подхода, возможные потоки и направления энергии, длительность перехода из галереи в кабинет, время воздействия тонких энергий и т. д. Весь дворец на коленях с линейкой в руках облазили Шлюттер и его помощники, измеряя потолки, стены, окна и другие необходимые для расчета объекты.

Через три дня после замеров предварительные расчеты были готовы. Когда их представили королю, то Фридрих

схватился за голову. В ярости он бросил бумаги на пол и стал отчитывать магистра и архитектора, обвиняя их чуть ли не в государственной измене, грозящей бюджетной катастрофе для государства и снижении боеспособности армии. Всегда сдержанный, он в этот раз дал волю чувствам: быстро ходил по комнате из одного конца в другой, что-то бормоча себе под нос, порой прерывая монолог гневными тирадами в адрес представителей ордена. Те молча стояли навытяжку, ожидая, когда монарх успокоится. Этот процесс продолжался достаточно долго. Очевидно, Фридрих не мог так быстро смириться с мыслью о том, что несмотря на то, что янтарь был объявлен государственным камнем и его накопилось достаточно много в казне, тем не менее нужны были деньги для его дальнейшей добычи и для изготовления элементов кабинета и его основы. Где их взять, если каждый пфенинг уже просчитан и ему заранее определено свое место. Успокоившись, Фридрих принял решение: никакой галереи, делаем один только янтарный кабинет и то без всяких «выкрутасов», просто и практично, в скромном варианте, однако функциональная направленность кабинета должна остаться. Король сам осмотрел предложенные для кабинета варианты компановок и остановился на самой скромной из них, ткнув тростью в пол и бросив резкое: «Делать здесь!» Теперь перед архитекторами встала сложная задача перепланировки проекта и изменения его геометрии с тем, чтобы не потерять необходимых параметров.

Опять закрутилось колесо. Лаборатории ордена, алхимики начали заново просчитывать и выстраивать элементы янтарного кабинета, основываясь на значении одной-единственной комнаты. После перекомпановки проекта был сделан макет будущего янтарного кабинета, сориентированный по сторонам света и выставленный для «дозревания» с тем, чтобы определить оптимальные варианты и оттенки янтарного камня, отвечающие определенным энергетическим частотам. Этот процесс длился около месяца. Только после этой экспериментальной части проекта, давшей положительный результат, приступили к составлению эскизов настенных панелей для комнаты, площадь которых должна была составлять 70 квадратных метров. Среди множества декоративных элементов планировалось разместить квадратные и круглые детали, сделанные из специально подобранного янтаря, которые бы играли роль приемных и отражающих площадей, соотнесенных между собой соответствующим образом так, чтобы их точки пересечения концентрировались в том месте, где планировалось разместить письменный стол короля, который должен был стать основой конструкции всей этой системы и постоянно подпитывать ее. Исходя из этого, с привлечением лучших математиков была четко рассчитана и геометрия этих элементов, и проведены дополнительные работы в комнате, где намечалось разместить кабинет. Параллельно велись поиски мастеров по художественной резке янтарного камня. Братья ложи, исполь-

зуя свои связи и возможности, пропускали всех потенциальных претендентов через «сито», отбирая самых искусных. Мастеров собирали по всей Германии, и после ознакомления с образцами работ и личных бесед специальный совет ордена выносил свой вердикт о привлечении самых достойных к работе над янтарным кабинетом. Таких специалистов своего дела нашли в Данцинге, Любеке, Эльбинге, Брюгге и других городах. Всех их привезли в Берлин и поселили в подсобных помещениях берлинского дворца, поставив на довольствие как солдат действующей армии. Мастерскую мастера Готфрида Туссо расширили и добавили туда новое оборудование, кроме того, для дополнительных работ, связанных с подгонкой янтарных изделий для панелей кабинета выделили еще одну комнату в самом дворце. Все мастера прибыли со своим инструментом и личными секретами обработки солнечного камня, передающимися по наследству.

Когда все подготовительные и организационные работы были закончены, состоялось специальное заседание главной ложи, на котором были подведены итоги, освящен первый кусок янтаря, а мастер Туссо был возведен в более высокую степень посвящения. День заседания был выбран в период лунного равностояния, как бы символизируя действия ордена, которые всегда были окутаны ореолом таинственности.

Наступило время практических действий. Все мастера были закреплены за определенным набором элементов, исходя из их опыта и квалификации, и принялись за дело. Ра-

боту вели вручную, очень тщательно сверяясь с чертежами по нескольку раз. Особенно скрупулезно проверялись углы, окружности и степень шлифовки, что важно было для качества будущих экранов. Все мелкие элементы склеивались в небольшие фрагменты «рыбьим клеем», состоящим из костей различных животных и рыб, и других ингредиентов, причем каждый мастер делал этот клей по своему рецепту. Затем готовые изделия складывались в темной комнате для сушки в естественных условиях, а по истечении недели собирались в блоки на специальном стенде самим Готфридом и одним из его посвященных помощников. После детальной проверки и подгонки он сам склеивал панели, используя свой личный рецепт клея, одним из составляющих которого были кости каких– то ископаемых животных, найденных случайно немецким крестьянином на своем поле. Когда варился этот клей, над кастрюлей поднимался темный пар, порой принимающий форму каких-то непонятных фигур и древних животных, которые по мере остывания тонкой пеленой покрывали куски янтаря, разложенные для склеивания, оставляя на нем свои образы. Стоять рядом было невозможно, от запаха, исходившего из варева, мастера падали в обморок. Поэтому работали, намотав на лицо кусок ткани, которая хоть немного фильтровала этот запах. После этого блоки выставлялись в темную комнату для просушки ровно на 12 дней. По истечении этого времени они выносились на светлое место и проверялись на качество звучания особым

образом выточенной дубовой палочкой, а затем ореховой, березовой и осиновой. Причем каждый из блочных элементов должен был соответствовать определенному тональному звучанию, вызванному легким ударом той или иной палочки. В случае несоответствия блок или разбирался с последующей заменой в нем отдельных элементов, или забраковывался вообще и шел на украшения. Работы проводились в специальной комнате одним из членов ордена, обладающим уникальным музыкальным слухом. Весь процесс проходил в тайне от остальных, однако какие-то слухи все равно ходили между мастерами и служителями двора.

Вся мастерская и мастера пропахли клеем, который тяжелым смрадом стоял везде. Поэтому изделия выдерживали до уничтожения запаха, а затем переносили во двор, где подгоняли по месту будущего расположения. После этого они уносились в мастерскую, где в определенное время заряжались открытой энергией двенадцать дней и ночей, чередуясь между собой и располагаясь определенным образом друг против друга, исходя из тональности и цвета янтаря, из которого была собрана панель. При этом однако не было учтено, что со временем в зависимости от структуры янтаря один камень может потемнеть, а другой стать более светлым.

Мастер понимал: чтобы настроить янтарную комнату на нужную волну, следует вложить в нее душу. Но чтобы вложить ее туда необходимо было ее саму настроить соответствующим образом, очистив от всякого ненужного хлама,

который мы всегда таскаем за собою в виде эмоций, тягостных мыслей, душевних переживаний и тому подобного. А на это нужно время, а времени у него почти не было. Не объяснишь же это королю, да он и не поймет, потому что не обладает теми тонкими знаниями, которыми владеет он – мастер великого ордена, который постоянно прячется в тени, но всегда готов протянуть руки помощи туда, куда влекут его интересы ордена.

И хотя согласно уставу ордена он был неженат, тем не менее имел «даму сердца», которая была значительно моложе его. И в силу этих обстоятельств она подмяла его и его душу под себя, выпивая ее медленно, но упорно и целенаправленно. Чтобы решить задачу, поставленную магистром, ему прежде всего надо было разделаться с ней, вылезти в буквальном смысле слова из-под ее влияния, ее енергетики, которая подавляла его своей буйной яростью и фантазией. Он не жалел на нее денег, и она жила обеспеченно, постоянно требуя от него все больше средств на свои женские причуды. Он смотрел на это сквозь пальцы. То, что она давала взамен, не шло ни в какое сравнение с материальными затратами на нее. Каждое, хоть и редкое посещение ее дома, давало ему заряд бодрости и капельку молодости, которая наполняла его оптимизмом и давала возможность двигаться вперед. Но скандалы и истерики, которые она подкрепляла все возраставшими требованиями, отбрасывали его назад. И он фактически топтался на месте, не продвигаясь по лестнице

знаний и учений, которые так были необходимы в его работе и служении ордену. Как быть? Этот вопрос постоянно выводил его из себя, и он не находил приемлемого решения. А оно было крайне необходимо, и причем в ближайшее время. Иначе король может кардинально решить проблему с ним, отправив его в заточение. И посоветоваться не с кем, надо все решать самому. Не то, чтобы он боялся, что его амурные дела вылезут наружу. Как бы он ни скрывался, руководство ордена знало о его страсти и смотрело на это сквозь пальцы, пока он справлялся со своей работой. Но если это станет тормозом в его делах, то ему несдобровать! А что, если вложить душу своей «дамы сердца» в янтарную комнату, подкрепив все это своей энергетикой?!

Приняв решение, мастер чуть ли не вприпрыжку заторопился домой. К счастью, его пассия была в прекрасном настроении. Перед зеркалом она примеряла обновки, которые ей сшила известная модистка. Накидывая на оголенные плечи ту или иную вещь, она что-то нежно мурлыкала себе под нос, любуясь своим отражением. А служанка, ползая перед нею на коленях, то поправляла ей юбку, то собирала в охапку вещи, брошенные на пол. Зайдя в комнату, мастер был ослеплен сиянием молодого женского тела и той непосредственной женственностью, которая исходила от каждого движения девушки. Она была среднего роста, пропорционального телосложения, с выдающейся вперед грудью и широкими, манящими бедрами, то есть такой, какой положено быть

настоящей немке. Ее белокурые волосы мягко ниспадали на тонкую белую шею, а голубые глаза имели всегда наивно распахнутый вид, как и выражение ее лица. Казалось, это ангел во плоти типично немецкой женщины, твердо знающей, чего она хочет, и владеющей чисто женскими приемами достижения поставленной цели.

Увидев ее во всей красе, мастер мгновенно ощутил желание обладать ею здесь же перед зеркалом. Оно заполнило его суть и приглушило разум, толкая на безумный поступок. Он уже протянул руки и сделал шаг навстречу своей мечте, предвкушая минуты «полета», как вдруг резкий голос этого воздушного создания вернул его к серой действительности.

– Даже и не думай, – сказала она. – Во-первых, ты помнешь мне платье, во-вторых, у меня нет настроения для этого, и в-третьих, тебе надо отдохнуть, чтобы не пыхтеть, как ломовая лошадь.

Он оторопел. Конечно, он знал ее вздорный характер. Она всегда поступала вопреки здравому смыслу, руководствуясь только ей понятной логикой. Но он всегда благодаря своей настойчивости и изворотливости находил пути примирения и аргументы для того, чтобы убедить ее в правильности своих действий по отношению к ней. Но в последнее время кроме вздорности в ее характере все больше стало проявляться злости, порой даже лютости, нежелания считаться с окружающими, она стала посещать какие-то тайные собрания, в которых участвовали и ее подружки, и приходила оттуда со-

вершенно другой. Ему некогда было узнать, что за собрания она посещает, но уже то, что она изменилась, по его мнению, в худшую сторону, говорило само за себя. Необходимо было что-то решать и как можно быстрее, пока она не испортилась совсем. Тогда конец всему и не только их личным отношениям. Руководство ему этого не простит.

Нужно было найти к ней подход, найти те струны души, которые дадут возможность осуществить задуманное. И они были. Это тщеславие, которое в принципе присуще каждой молодой и красивой девушке, любящей пококетничать в мужском обществе. Если ей предложить то, что он наметил, и объяснить ей, что она послужит королю и стране, то это возможно и сработает. Кроме того, несмотря на многие отрицательные черты характера, есть и те, которые так необходимы в данном случае. Она любит своих родственников, и они буквально тянутся к ней, получая не только удовольствие от общения, но и кое-какие дивиденды, опять же из его кармана. Она через него пытается пристроить их на «теплые» местечки, расписывая перед знакомыми их и свои достоинства. Это создает ей определенный имидж в обществе как добропорядочной матроны, образ которой она пытается создать. Это то, что как раз надо. Если немножко поднатужиться, то можно выделить эти качества и вложить их в янтарную комнату, которая постепенно станет развивать их, притягивая к себе не только внимание, но и решая те задачи, ради которых она и создается.

Придя в себя от резкого окрика, мастер все же подошел к ней и, сделав знак служанке удалиться, взял ее за руку.

– Дорогая, – сказал он, – мне нужно поговорить с тобой об очень серьезных вещах.

Вместо ответа она выдернула руку, снова крутнулась перед зеркалом и спросила:

– Ну как там король? Ты беседовал с ним, может ли он пристроить племянника тетушки Марты на дворцовую должность? Я же просила тебя поговорить с ним б этом. Ты говорил?

Казалось, ее рот не закроется никогда, так как она слышала только себя и видела только свое отражение в зеркале.

– Дорогая, король будет рад оказать нам содействие, но и ты должна кое-что сделать для этого. Если ты захочешь, то мы получим благосклонность короля на многие времена и в первую очередь ты, я уже не говорю о твоих родственниках. А так было бы чудесно, когда при дворе ты стала бы фавориткой, а твои племянники, сводные братья и прочие занимали бы ответственные посты в государстве!

Поначалу она пропускала его слова мимо ушей. Но постепенно смысл сказанного стал доходить до нее, ее щеки раскраснелись, а дыхание участилось. Очевидно, в своей голове она уже нарисовала себе картину своего взлета и готова была действовать незамедлительно.

– Что я должна сделать для его величества? Говори скорее, не тяни!

– Ничего сложного, дорогая. Я хочу, чтобы ты своею красотою и энергетикой зарядила одну из панелей янтарного кабинета. Тем самым ты принесешь пользу королю и твоя красота станет вечной.

– Всего лишь! Так пошли, чего мы стоим?

– Не так быстро, дорогая. Если ты согласна, то надо подготовиться и провести соответствующий ритуал.

– Да, я готова, говори, что надо делать.

– Ну, во-первых, три дня поститься, а во-вторых, привести свои чувства и эмоции в порядок: никаких нервных раздражителей, никаких гостей и родственников – одно спокойствие и созерцание. Только после этого мы приступим к ритуалу, во время которого ты должна думать исключительно о своих хороших качествах, доброте, любви к своим родственникам, к королю, ну и, конечно ко мне.

– Еще чего, – фыркнула она громко.

– Когда ты достигнешь этого состояния, когда в тебя войдет гармония и ты сольешься с окружающей природой, можно будет проводить этот ритуал.

– А правда король будет рад этому?

– Ну конечно, дорогая, ты же знаешь, что все эти дни я занимаюсь только янтарной комнатой, даже на тебя не хватает времени.

–Ладно, – оборвала она его, – я согласна, давай начнем с завтрашнего дня.

На следующее утро она начала процесс очищения себя,

по тому рецепту, который он составил ей. В течение дня она читала отдельные тексты, призванные усилить ее качества, пила ключевую воду для очистки организма и единения с природой, ела только фрукты и овощи, посыпаные определенным травяным сбором, который тоже подобрал он. К ее чести, надо сказать, что справилась она с подготовкой великолепно. Не было ни одного срыва, очевидно, перспектива, которую нарисовал мастер, сильно заинтриговала ее. За это время мастер, в тайне от окружающих, установил в большой комнате центральную янтарную панель с гербом императора, которая являлась основой всей конструкции комнаты-камеры, для того чтобы провести ритуал ее зарядки.

Вечером ее повели в ванную и обмыли всю в травяных настоях, дали выпить какой-то эликсир и уложили спать. Утром четвертого дня, поднявшись в шесть часов утра, она выпила травяной настой, который привел ее в состояние абсолютного покоя, одели в воздушную шелковую пелерину и мастер торжественно за руку повел ее в ритуальную комнату. Здесь, в центре зала, стоял стол, на котором горели свечи, отражавшиеся в зеркале, поставленном возле стола так, что их свет падал на янтарную панель, лежащую на нем. Двигаясь, как во сне, она позволила уложить себя на эту панель, лицом к зеркалу, а руки развели в стороны так, словно она обнимала панель. Сняв все одежды, на ее голову надели золотой обруч, который соединили с руками и янтарной панелью золотыми и серебряными нитями. Проведя все под-

готовительные работы, мастер, перед тем как приступить к ритуалу, осмотрелся. Вроде все в порядке, все сделано, как надо. Просматривая каждую деталь, он не мог налюбоваться этим великолепным женским телом, безвольно лежавшим перед ним с широко разведенными ногами и мерно, в такт дыханию колышущейся грудью. Все это отражалось в зеркале, проецирующем под воздействием света всю картину на панель.

Ну что ж, пора приступать. Мастер махнул рукой и в соседней комнате заиграла арфа. Ее звуки постепенно заполняли все пространство, убирая негативный фон и настраивая на радостный лад. В такт музыке мастер стал ходить вокруг стола, делая определенные пасы в сторону лежащей женщины. Когда звуки арфы поднялись на небывалую высоту, к ним присоединилась лютня, и мастер стал читать в растяжной тональности и последовательности какие-то тексты, призванные усилить те ее качества, которые необходимы были для зарядки панели. После прочтения каждого из них он подскакивал к лежащей женщине, трогал ее за голову, в результате чего она напрягалась и широко открывала глаза, затем подбегал к зеркалу и направлял его на отдельные элементы панели. Темп музыки и движения мастера все более убыстрялись, казалось, комната пошла кругом от взлетающих в воздух фалдов его черного халата. И в какой-то момент, наклонившись над женщиной, он рукавом халата сбил горящую свечу на ее нежное тело. Она мгновенно, словно

проснувшись, подскочила на столе, уставилась ничего не понимающими глазами на мастера, затем на себя, спрыгнула со стола, сорвала с головы золотой обруч и запустила им в мастера, после чего, грязно ругаясь, убежала из комнаты.

В комнате внезапно наступила тишина, только крутилось зеркало и шипел расплавленный воск горящих свечей. Шокированный мастер схватился за голову и опустился на корточки возле панели. «Все пропало», – была его первая мысль. «Что теперь будет? Как выйти из этой ситуации? А может все обойдется, ведь что-то же удалось перенести на панель и зарядить ее. Что-то же там осталось! Значит оно и будет работать хоть в каком-то качестве». Успокоив себя и приняв решение, он быстро снял панель и доставил ее обратно в мастерскую, надеясь на то, что никто не узнает о случившемся.

Наконец все панели были готовы и настало время основной зарядки трех главных элементов конструкции, которые должны были концентрировать энергию на заранее выбранную точку. Астрономы ордена рассчитали день и время, наилучшим образом подходящие для этого действия. Все панели перевезли и собрали в кабинете, причем перевозка и сборка производилась мастерами в специально сшитых для этой цели перчатках.

И вот настало время действия. Фридрих, архитектор и магистр торжественно вошли в почти полностью смонтированный кабинет и встали на отведенное каждому из них ме-

сто: Фридрих посередине, магистр справа, а архитектор слева от короля. Перед каждым из них находились панели, которые они должны были зарядить своей энергетикой. Мастера толпились в дверях кабинета, наблюдая за происходящим с любопытством. Им до окончания церемонии было запрещено входить туда. Фридрих был поражен увиденным. Утреннее солнце, пробиваясь из-за туч, изредка освещало комнату и его лучи ярко играли на панелях, оживляя и наполняя их почти осязаемой теплотой, однако, когда солнце закрывали тучи, центр восприятия перемещался на более темные части панелей, которые при свете двенадцати горящих свечей мерцали особым, завораживающим и притягивающим к себе светом, создавая необычную световую гамму. Все это мерцало и переливалось, чередуясь игрой тени и света, особый колорит которому придавали специальным образом расставленные метровые свечи. На лице короля застыла самодовольная улыбка. Еще бы: то, о чем он мечтал, почти претворялось в жизнь. Вот оно, воплощение прусской аккуратности и экономии! Только его нация могла создать такой шедевр, которого не было ни у одной монаршей особы в мире. А если это творение еще будет работать в нужном русле, тогда его усилия, направленные на решение архисложных государственных задач, будут успешно продвигаться более быстрыми темпами. Да, наверное стоило потратить определенную сумму для того, чтобы получить это чудо. И чувствуешь здесь себя достаточно комфортно. Эти мысли мелькали

в голове Фридриха, когда он подошел к специальному приспособлению, на котором лежала янтарная панель с его вензелями.

По знаку магистра король и архитектор положили две руки на центральные части лежащих перед ними панелей и замерли на несколько секунд, отдавая свою енергетику, свои сокровенные мысли холодному камню, который постепенно под их воздействием стал медленно нагреваться и светлеть. Все застылили в ожидании. Воцарилась такая тишина, что слышно было, как потрескивали свечи, беспорядочно замигав, как бы изменяя привычную картину, а оплывший воск с тяжелым стуком стал стекать на подставки и растекаться по полу. Хрипло дышал мастер, который был не в силах сдержать дрожь в своих руках. Потому он крепко сжал губы, пытаясь убрать охватившее его волнение.

Так продолжалось какое-то время. Наконец король убрал руки со своих вензелей и вопросительно посмотрел на магистра. Тот кивнул мастеру, и они одновременно сняли руки со своих янтарных панелей. Мастер, не переставая дрожать, с трудом передвигаясь, направился к центральной стене кабинета и подозвал к себе толпившихся в дверном проеме подмастерьев.По его знаку они приступили к монтажу. Сначала поставили левую панель, которую заряжал магистр, затем правую архитектора и наконец в специальные пазы водрузили по центру панель Фридриха.

Они работали в полной тишине, и казалось, все остает-

ся на своих местах, так же горят, потрескивая, свечи, молча стоят король и магистр, наблюдая за происходящим. Но когда замерли последние щелчки крепления, через несколько секунд, как бы играя, проскочила по панелям молния света, заставившая свечи беспорядочно замигать, и их колебания создали причудливые тени, которые, изгибаясь, заскользили по комнате. Затем все на мгновение погрузилось во тьму, из которой постепенно стали проступать изображения вензелей короля Фридриха на центральной панели, и весь янтарь наполнился сначала каким-то неестественным светом, а затем стал приобретать свой природный оттенок. Все невольно вздохнули, пораженные увиденным. Однако только мастер обратил внимание на то, что центральная панель как бы изнутри продолжала светиться этим непонятным светом, который постоянно менял оттенки, как бы подбирая известную только ему световую гамму напряжения.

Все принялись поздравлять короля, который с довольным видом стоял посредине кабинета и благосклонно кивал в ответ на комплименты. Довольны были и магистр, архитектор и мастер, которым казалось, что они выполнили свою задачу. Эти поздравления частично относились и к ним, так как почти все вельможи подходили пожать им руки. Наконец Фридрих одобряюще кивнул в их сторону и решительным шагом вышел из кабинета, сопровождаемый толпой придворных, присутствовавших на церемонии. Оставшиеся исполнители этой грандиозной идеи еще раз осмотрели свое тво-

рение и, переглянувшись друг с другом, двинулись вслед за свитой.

Теперь необходимо было осуществить тонкую настройку панелей и доделать недостающие детали янтарного кабинета. Учитывая напряженность с финансированием и малым наличием запасов янтаря, решили это делать быстрыми темпами, не дав отстояться янтарным панелям в новом помещении должным образом. По всей разделенной таможнями и границами Германии, из знатных семей подобрали 7 девочек и 7 мальчиков в возрасте до 12 лет, обладающих музыкальным слухом и соответствующими голосами. Они были доставлены во дворец. Для детей были сшиты специальные белые одежды и обувь. Перед днем настройки панелей они были выкупаны в трех водах со специальными травяными смесями и накормлены специально приготовленной для них растительной пищей. Их привезли во дворец, где переодели в приготовленные одежды и выстроили в янтарном кабинете вокруг точки предполагаемого фокусирования энергии, в центре которой стояло специально изготовленное бронзовое зеркало, установленное под определенным наклоном, который должен был заставить поток будущей энергии выбрать заранее указанный ему путь в пространство.

Настройку проводил член ордена, обладающий необходимым опытом. Дети были выстроены вперемешку лицом к панелям, чтобы их голоса совпадали со звуковыми колебаниями панелей. Настройщик ударял специальной палочкой по

панели и заставлял девочку и мальчика в унисон брать соответствующий звук, корректируя их тональность с тональностью панели, добиваясь только одному ему известного звучання. Из кабинета до слуха любопытствующих служителей доносились то небесной, тонкой чистоты голоса, то басистые звуки, то даже звуки, напоминающие рычание диких зверей.

Когда предварительная настройка была проведена и дети, освоившись, стали работать синхронно, как один организм, приступили к основной фазе настройки. Она началась в полнолуние. Дети чувствовали себя более уверенно, однако волновались очень сильно. Это было видно по их бледным лицам, которые еще оттенялись белыми одеждами. Они стояли, словно призраки, в колеблющемся свете всего одной большой свечи, воск для которой был собран с четырех пасек страны, расположенных по сторонам света: на юге, западе, севере и востоке. Она распространяла вокруг себя приятный запах, который действовал на детей успокаивающе, и они жадно ловили его ртом, когда он достигал того места, где они стояли. По сигналу настройщика дети начали петь сначала отдельными голосами, затем все хором, замирая на мгновение по велению настройщика, и вновь продолжая петь.

Созданная их голосами какофония звуков , казалось бы, не имела никакой мелодии, тем не менее она производила особое впечатление на служителей двора, находившихся неподалеку. Звуки то поднимались высоко, и от их звучания закладывало уши, то резко падали вниз, подобно водо-

паду, разбиваясь на отдельные голоса, сочетающие определенную тональность, то неслись ровно, словно лошади в галопе, стараясь догнать ранее ушедшие вперед ноты. В период этой «кантаты» архитектор ходил со свечой по комнате, подправляя панели и фокусируя их на зеркало, которое то дрожало мелкой дрожью, то искрилось от света свечи, который усиливал мертвенно-белый цвет луны. Отрегулированные панели как бы приобретали совершенно другой оттенок и по ним медленно, а кое-где и быстро переливались волны света непередаваемого оттенка. Наконец архитектор отрегулировал последнюю панель и махнул рукой. Хор замер и в янтарной комнате наступила тишина. Уставшие дети открыли глаза и ахнули от удивления. Комната была наполнена густым янтарным цветом различных оттенков, который, смешиваясь с запахом горящей свечи, перекрывал свет круглой луны, струившийся из окна и наполнявший всю комнату снизу вверх. Всем присутствовавшим стало казаться, что они, поднявшись ввысь, плывут по небу куда-то в манящую даль, переходящую в бесконечность, а внизу вместо пола – плотный лунный свет, который медленно от ног поднимается все выше и выше, постепенно охватывая кисти рук, доходя до плеч, и казалось, еще мгновение – и всех охватит бледное холодное пламя, которое поглотит все.

Преодолев оцепенение, архитектор дунул на свечу, и та, отразившись последний раз своим светом в янтаре, мгновенно погасла. Остался только лунный свет, который поте-

рял свою завораживающую привлекательность и стал ужасающим и отталкивающим. Настройщик, смахнув пот с лица, взял за руку ближайшего к нему ребенка и направился к выходу. Остальные, следуя за ним, вышли из комнаты, в которой остались только магистр и архитектор.

– Ну что, – сказал магистр, – кажется, дело сделано, теперь надо установить здесь стол и кресла для посетителей слева и справа, дать кабинету отстояться, ну и начать действовать.

– Полностью согласен с вами. Однако на душе что-то мрачно. Терзает сомнение, все ли мы сделали правильно? Ведь малейшая неточность может сыграть с нами злую шутку, вызвав обратный эффект, или повернуть потоки энергии не в ту сторону. Что из этого выйдет, трудно себе представить.

– Ничего, надеюсь, все будет хорошо, – ответил магистр. – Мы завтра же проведем специальную мессу в честь успешного окончания наших дел.

–Я бы хотел, чтобы это было не окончание, а успешное начало нашей работы, ведь предстоит еще доделать кое-какие детали к панелям, – мягко возразил архитектор.

И магистр с ним молча согласился, кивнув в ответ.

Так, переговариваясь, они не торопясь вышли из комнаты. Последним шел архитектор. Приостановившись, он бросил взгляд в глубь кабинета и, двумя руками взявшись за медные ручки, закрыл высокие белые двери, которые с большим тру-

дом встали на место, причем правая, как бы более тугая, закрылась с каким-то щелчком. От этого щелчка по касательной задрожал паркет. Эти колебания, едва заметные человеческому глазу, перешли на янтарные панели, и центральная из них, не укрепленная в пазах должным образом, сдвинулась и едва заметно перекосилась. Это вызвало волну колебаний по всем панелям. От этого их свет стал хаотично меняться, а затем замерцал совершенно другим оттенком, чем при настройке. Однако архитектор этого не видел, он медленно, уставшими шагами догонял шедшего впереди магистра.

Через несколько дней в янтарном кабинете установили письменный стол Фридриха, сделанный из орехового дерева с бронзовыми письменными принадлежностями и креслами для посетителей слева и справа от стола. По распоряжению короля принесли туда часть деловых бумаг, которые требовали незамедлительного решения. В один из дней в кабинет пришел Фридрих и стал работать с документами, подписывая и сортируя их по содержанию. Примерно через час у него начали болеть виски, а затем появилась слабость, которая полностью парализовала его. Собравшись, он волевым усилием заставил себя встать и на ватных ногах вышел из кабинета. По мере удаления от него самочувствие его улучшалось. Приписав эти симптомы общему недомоганию, король буквально через день наведался в янтарный кабинет. Однако и в этот раз он почувствовал, что не в состоянии не

только работать, но и находиться в этом кабинете. Буквально через неделю, после посещения королем янтарной комнаты во дворце стали происходить странные вещи. В двенадцать часов ночи над комнатой поднимался световой столб, уходящий далеко в небосвод, в ореале которого, колебаясь, мерцали едва различимые фигуры. На закрытых на ночь окнах колыхались и раздвигались занавески. Сами по себе во всем дворце гасли и вновь вспыхивали свечи, а пустые, еще не оформленные комнаты дворца наполнялись неведомо откуда несущимися голосами и криками. Все это явилось сдерживающим фактором, который не позволил королю Фридриху переехать в новый берлинский дворец. Прислуга была перепугана и начала массово бежать оттуда. Наконец в одну из лунных ночей, в период, когда эти явления были наиболее интенсивными, янтарные панели рухнули со всех четырех стен, отбросив к выходу письменный стол со всеми находящимися там бумагами, которые веером рассыпались по полу.

На следующее утро король, узнав об этом, пришел в ярость. По его приказу было заведено дело о государственной измене. Готфрид Туссо был арестован и окончил свои дни в тюремных застенках, а архитектор Шлюттер был с позором изгнан из страны. Ранее оттуда выехал и великий магистр, который понял, что задуманная им программа не сработала. О государственной измене под барабанный бой говорилось на всех площадях Пруссии. Это было сделано для того, чтобы нейтрализовать упорно ходившие в народе слухи

о непонятных вещах, которые происходили во дворце. Изгнание главных виновников этого и прекращение деятельности ордена розенкрейцеров должны были положить конец их распространению.

Янтарные панели были срочно разобраны, сложены в специально изготовленные ящики обитые черной материей и складированы в подвале королевского замка.

Пребывание в янтарном кабинете сказалось и на здоровье короля. Его периодически бросало то в жар, то в холод, а по ночам снились кошмары, заставлявшие учащенно биться сердце, которое отдавалось колокольным звоном то в голове, то в ногах, вынуждая тело покрываться липким потом. Приглашение знаменитых немецких и заграничных лекарей, применение пиявок для борьбы с «дурной» кровью и различной микстуры, сделанной по старинным рецептам, не дали положительных результатов. В 1773 году Фридрих I покинул этот мир, так и не выполнив задуманной им и почти реализованной задачи.

На трон взошел его сын Фридрих-Вильгельм I, который не проявлял особого интереса к пылившимся с 1709 года ящикам с янтарными панелями. Тем более, что в народе о них шла дурная слава и даже служители дворца опасались входить в те комнаты подвала, где они находились. Там происходили какие-то скрытые, невидимые глазу процессы. Периодически они набирали такую силу, что подвал озарялся на мгновение белым светом, а над дворцом появлялся светя-

щийся столб, основание которого упиралось в подвал.

Новый король по своему характеру был похож на Фридриха I. Та же скупость, мелочность, пунктуальность во всем делали его истинным наследником своего отца. Он ставил перед собой те же задачи и мечтал о славе, которая сопровождала его предшественника. Однако он понимал, что нужен надежный союзник, который не только силой своей военной мощи, но и одним упоминанием о дружбе с ним может поддержать нового короля, позволит завоевать авторитет среди европейского королевского сообщества и прежде всего в разделенной Германии. И здесь в поле его зрения попадает стремительно восходящая новая звезда – российский царь Петр I.

Успешно разгромив шведского короля Карла XII и упрочив свое положение на троне, Петр решил совершить турне по Европе, чтобы не только поучиться «уму-разуму», но и заявить о себе. В ходе этого познавательного визита он попадает в гости к Фридриху-Вильгельму I. Перед молодым королем Пруссии встала задача: как привлечь на свою сторону амбициозного русского императора? И тут ему приходит в голову неожиданная мысль – подарить царю Петру I янтарный кабинет, который стоит значительных денег, что само по себе немаловажно, плюс к этому он обладает еще определенными свойствами, которые могут в перспективе послужить хорошую службу для страны. И король сделал хитрый ход: с одной стороны, он избавлялся от проблемы, последствия

которой были непредсказуемы, но в будущем могли принести большую пользу. Кроме того, средств в казне для окончательных работ над янтарным кабинетом не было. С другой стороны, учитывая интерес царя ко всему необычному, он делал ему поистине королевский подарок и взамен получал дружбу и поддержку победителя самих шведов, которые считались одними из лучших солдат в Европе.

Срочно вызвав к себе министра двора, он дал ему команду немедленно найти мастеров, делавших янтарный кабинет, вытащить из подвалов ящики и развесить панели в той же комнате, для которой они предназначались, для того чтобы показать их по приезде царю Петру I.

Пригласив к себе главного специалиста по янтарным изделиям, участвовавшего ранее в качестве подмастерья при изготовлении янтарной комнаты, король решил с ним посоветоваться.

– Дело в том, – сказал он, – что мы не можем влиять на Россию силовыми методами. Она в этом плане уже достаточно сильна, и многие, не поняв это, потеряли очень много. Нужно искать другие пути воздействия, которые бы дали нам возможность незаметно и постепенно внедриться в ее тело и потихоньку развернуть эту страну в нашу сторону. Прямая угроза объединяет русских, а перед тайными действиями они беззащитны. Сможет ли наша янтарная комната в таком незавершенном состоянии сыграть эту роль, притягивая к себе и распределяя по необъятным просторам этого госу-

дарства наших соотечественников? А через них распространять повсеместно немецкий дух и немецкий порядок. Русский царь Петр еще молод, но хочет навести порядок в стране, не понимая, что в этом их беспорядке и состоит их сила и есть суть их высшего порядка, а от порядка в нашем понимании они быстро зачахнут. Вот поэтому мы и должны помочь ему, подарив нашу янтарную комнату. Пусть он ее доделает. И тогда она, соединяя в себе эти два начала, заработает, вбирая на русском поле и наших соотечественников, и наши планы, которые мы рассчитываем с ее помощью реализовать. Как ты считаешь?

Мастер, тоже являясь членом известного ордена, молча стоял, склонив голову набок и прикидывая, как решить задачу, которая родилась в голове короля. Очевидно, он давно вынашивал эту идею и сейчас она в новых обстоятельствах окончательно сложилась и требовала выхода наружу. Запустить все в работу должен был он, мастер. Это была очень большая ответственность, которая не допускала малейшего промаха. Правда, янтарная комната почти готова. Но нет денег на ее окончательное завершение. Но эта проблема отпадала, раз уже было решено подарить ее русскому царю. Но как быть дальше, как совместить, а главное – как настроить немецкий и русский янтарь, чтобы комната стала решать поставленные перед ней задачи? А вдруг русские не будут доделывать ее какое-то время? Тогда как? Как ее настроить в таком, не доведенном до конца состоянии? Надо еще раз ее

осмотреть и кое-что подделать, хотя основные элементы готовы – это главные панели с гербами Фридриха. Очевидно, для более сильного их резонирования необходимо усилить боковые элементы, расположив всю конструкцию по сторонам света, сфокусировав основную часть на Восток, в Россию.

Воспользовавшись паузой в речи короля, мастер осторожно ответил:

– Я думаю, это можно сделать. Кое-что доделаем из имеющегося материала, а для установки комнаты пошлем своего специалиста, который там и соберет ее так, как нам надо. Сколько у нас есть времени, Ваше Королевское Величество?

– Я думаю, дня три-четыре, не больше, – ответил король. – Я сегодня же скажу царю Петру о подарке и покажу его отдельные фрагменты в вашей мастерской. А вы снимите его личные характеристики с тем, чтобы потом внести их в настройку янтарной комнаты.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – и мастер тихо удалился из кабинета короля.

Фридрих, проводив его взглядом, повернулся к окну и задумчиво стал смотреть на раскинувшийся дворцовый парк, разбросавший свои дорожки в разные стороны от дворца. Одни были прямые, как трость короля, другие затейливо терялись среди кустов, то пропадая из виду, то появляясь вновь в самом неожиданном месте. «Вот так и мы будем действовать: тихо и неожиданно, – подумал король, представ-

ляя себе перспективу возможных действий с использованием янтарной комнаты. – Если умело поставить дело и расположить комнату в Петрограде, то она начнет притягивать к себе все и вся, перерабатывая и перенаправляя энергию туда, куда она будет сориентирована. Это даст возможность не только потихоньку, исподволь управлять этой «дикой» страной, но и наполнить бюджет королевства. Надо будет дать указание, чтобы немцы, работающие там, часть денег привозили в фатерлянд. Кроме того, надо поощрять их продвижение в Россию и ставить конкретные задачи по освоению территории и созданию немецких анклавов в наиболее перспективных местах. А в столице постепенно продвигать своих людей к вершинам власти, ближе к трону, тем более, что для этого сейчас есть все необходимые условия».

Эти мысли постепенно распаляли короля, и от нарисованной им самим картины ему стало жарко. Он широким жестом резко расстегнул мундир и устремил свой взор в парковый ансамбль, который постепенно исчезал из его поля зрения, открывая необъятные просторы России.

Приказ короля был выполнен в течение недели, однако помня о ранее случившемся, центральные панели мастера поставили в самый последний момент, когда король и царь, осмотрев почти весь дворец, медленно приближались к комнате.

Когда они подошли к дверям, по команде короля двери распахнулись настежь и изумленному взору царя Петра I от-

крылась необычайная картина. Потоки солнечного света озарили всю комнату, и она засияла ярко желтыми оттенками, искрясь и переливаясь по мере того, как солнечные лучи согревали ту или иную панель, а те в свою очередь отбрасывали солнечные зайчики на другие панели, и, так играя, они создавали необычную мозаику, состоящую из солнца, света и янтаря. Петр I замер на несколько секунд у входа, затем стремительно влетел в комнату и стал быстрыми шагами переходить от одной панели к другой, рассматривая в упор эту красоту. Когда он успокоился и остановился у панели с вензелем прусского короля, Фридрих-Вильгельм I довольный произведенным впечатлением, с улыбкой подошел к царю и тихонечко произнес:

– Мой уважаемый гость, разрешите в честь вашего визита к нам и в знак дальнейшей нашей дружбы подарить вам эту янтарную комнату, которая, как я думаю, станет одним из украшений вашего нового дворца.

Петр I от неожиданности дернулся, круто повернулся на каблуках, так что даже заскрипел паркет, несколько секунд внимательно смотрел на короля, словно вопрошая, не ослышался ли он, а затем произнес:

– Мой дорогой друг, такие подарки просто так не делаются. Я, конечно, зело признателен за столь дивный презент, однако каждый из них имеет свою цену. Что вы хотите за него? – и он вопросительно взглянул на короля.

– Сущую безделицу: иметь в Вашем лице верного друга

и союзника, готового в любой момент протянуть руку помощи. Это бы давало моему народу и королевству ощущение безопасности и возможность уверенно решать вопросы мира и безопасности в стране.

Немного подумав, Петр I ответил:

– Я согласен, – и протянул руку королю.

Обменявшись рукопожатиями, они вместе вышли из комнаты и, беседуя о будущем союзе, направились в обеденный зал, где их ожидали придворные и обед, приготовленный в лучших традициях немецкой кухни. За столом было произнесено с обеих сторон много тостов о дружбе и мире между двумя государствами.

Вечером, придя в отведенные ему апартаменты, царь Петр I дал указание связаться с А.Меньшиковым для организации доставки янтарной комнаты в Санкт-Петербург. Затем он, сняв сапоги, завалился спать на кровать, застеленную шикарной периной.

Буквально на следующий день янтарный кабинет под руководством русского посланника при прусском дворе графа А. Головинова был разобран. Панели тщательно обернули фланелью, переложили соломой и сложили в восемнадцать больших деревянных ящиков, которые от сырости и дождя обернули провощенной бумагой. Весь груз занял восемь больших телег, в которые запрягли по две огромных, немецкой породы ломовых лошади и в сопровождении небольшой охраны отправили в Россию. Когда впрягали ло-

шадей, то те стали проявлять беспокойство: храпели, вставали на дыбы и пытались перевернуть повозки. Для того чтобы их успокоить и впрячь в телеги, пришлось закрыть им глаза. А затем сделали специальные кожаные шоры на глаза, которые дали возможность более-менее спокойно доставить груз по месту назначения.

Петр I присутствовал при погрузке и вручил пакет с распоряжением флигель адъютанту и письмо к своим близким, в котором писал о приеме в Пруссии и о том, что «Получил зело приятный презент…». Груз в целости и сохранности был доставлен в Санкт-Петербург, передан по описи казне и складирован в одном из подвалов Зимнего дворца, где и пролежал до 1723 года. Важные государственные дела отвлекали государя от немецкого презента, и только в 1723 году он вспомнил о нем и дал приказ достать янтарный кабинет из подвала и собрать в одной из комнат Зимнего дворца. Приказ был исполнен российскими мастерами, даже не догадывающимися о секретах этого изделия. На это ушло около недели. Когда, наведя последний лоск на янтарных изделиях, мастера закрыли дверь, над комнатой ввысь ударил белый столб света, а вороны, спокойно сидевшие до этого на деревьях, вдруг резко засуетились и, поднявшись тучей в воздух, долго кружили над дворцом, непрерывно и возмущенно галдя. После этого у царя пошли сплошные неприятности и в военном, и политическом, и личном плане.

Кроме того, Петр I начал демонстрировать эту «красоту»

своим придворным и иностранным гостям, стал часто задерживаться здесь, разбирая государственные бумаги. Это не могло не отразиться на его здоровье. Он начинает себя плохо чувствовать, и в 1724 году покинул этот мир, не оставив никаких указаний о своем преемнике. На царский престол вступила его супруга Екатерина, которая довольно часто заходила в янтарную комнату, где любила сидеть при свечах, наблюдая за игрой света на янтарных панелях. Такая тяга к «прекрасному» закончилась и для нее печально. В 1727 году ее не стало.

А кабинет, словно перестроившись в новых географических условиях и пространстве, начал постепенно работать, втягивая в зону своего влияния немцев, которые со всех сторон устремились в Санкт-Петербург и достигли определенных высот у монаршего трона. Используя мощную энергетику янтарного кабинета, они умножали свое состояние и делали карьеру, часто верой и правдой служа Российской короне.

****

Прочитав это донесение, я вынул очередное, написанное уже другим хранителем и подтвержденное настоятелем Сестрорецкого монастыря. Оно сообщало о том, что следующим обладателем янтарного кабинета стала дочь царя Петра I – Елизавета. Вступив на престол, она внутренне ощутила необычность янтарного подарка и его взаимосвязь с проис-

ходящими событиями. В одной из бесед со своим духовным наставником она поделилась своими сомнениями. Именно эта беседа и стала причиной того, что было принято решение об энергетической, духовной «очистке» янтарного кабинета. По ее приказу из Сестрорецкого монастыря было отобрано13 монахов наиболее опытных в духовном плане. Перед ними была поставлена задача совершить это необычное «очищение» имеющимися в их распоряжении методами.

Три дня и три ночи они готовились к этому действию, проведя их в постах и молитвах. На четвертый день, получив благословение у настоятеля, они прибыли ко двору. На следующий день по прибытии они строго по чину, один за другим вошли в янтарную комнату ранним утром. Каждый держал в руке горящую восковую свечу. Встав в центре комнаты, они образовали круг, ощущая локтями друг друга, и начали поочередно, а затем все вместе читать молитвы и петь псалмы. Начало этому положил один из монахов, ставший на колени в образованом круге с большой свечой в руках. Через час его сменил другой монах, еще через час – третий и так продолжалось до глубокой ночи. Отчитавши свое, монах вставал с колен, гасил остаток свечи в золотой церковной чаше и клал огарок в специальный осиновый ящик, брал новую свечу, зажигал ее от лампады и снова становился в круг. Так они молились круглосуточно несколько дней.

Как рассказывали потом монахи, янтарные панели стали постепенно менять свой цвет, который колебался от яр-

ко-желтого до ярко-красного, затем по ним пошли цветовые волны, которые соединялись в середине основной панели, накаляясь до ярко-белой синевы, которая потом волнами выстреливала в монахов, ставших на колени и продолжавших читать молитвы с закрытыми глазами. Потом вся эта цветовая гамма превратилась в яркий столб света, который стал кружить над монахами, не покрывая их, затем поднялся до потолка и вырвался наружу через крышу, уходя далеко в небо. Внезапно свет погас, только янтарные панели еще какое-то время светились во внезапно наступившей темноте, а затем постепенно угасли, продолжая отдавать холодные лучи, от которых сразу стали замерзать руки. Все свечи, которые держали монахи, внезапно погасли, кроме той, которая находилась в центре зала. Монахи встали с колен и, подняв упавших без чувств своих собратьев, медленно вышли из зала. После этого туда вошли настоятель и дьякон и окропили янтарный кабинет святой водой. Так закончился процесс очищения янтарного кабинета Фридриха Первого.

Царица Елизавета Петровна, приняв отчет настоятеля Сестрорецкого монастыря, запретила заходить в янтарный кабинет и сама, порой проходя мимо закрытых наглухо дверей, старалась прошмыгнуть как можно быстрее. Следовавшие за ней сановники и придворные говорили: «…да разве, матушка, так можно быстро бегать, ить за тобою и успеть-то тяжко». На что она отвечала, что и покойная матушка, императрица Екатерина, также недобрым словом вспомина-

ла время, проведенное ею в этой «зело непростой табакерке». Так и стояла эта янтарная комната закрытой, пока Елизавете не пришла в голову мысль изменить конфигурацию кабинета. С этой целью она пригласила к себе архитектора Растрелли и прямо поставила перед ним задачу о демонтаже янтарного кабинета и его реконструкции в любом другом месте. Знаменитый Растрелли предложил Царское Село. Получив согласие императрицы, он выехал на место. Осмотрев дворец, архитектор выбрал подходящее место в левом крыле здания и принялся за наброски экскизов будущего творения. При этом он старался учесть специфику дворца, его воздушные, зеркальные залы. Введя зеркала как один из основных элементов, оживляющих янтарную комнату, он тем самым нарушил ее астральную силу. На состоявшемся приеме у Елизаветы Петровны он показал ей сделанные в цвете экскизы и получил высочайшее разрешение на «творение оного». При этом императрица пожелала сама выехать в Царское Село и на месте осмотреть, как все будет выглядеть.

Далее источник сообщает, что, находясь в Царском Селе, «Ее императорское Величество, в Высочайшее свое присутствие в Царском, через Обер-Архитектора повелела, Июля 11 дня, Бригадиру Григорьеву, чтоб из Зимнего дома янтарный кабинет, через убиравшего оный янтарного мастера Маврителли, со всякою осторожностью собрав, поднять и, уложив в ящики, перенести солдатами на руках в Царское, под присмотром самого мастера и ему опять убрать оным

янтарем во дворе царскосельском покой, который Ея Величество для сего назначен будет».

Отлитые на Петербургских заводах зеркала, обрамленные в янтарные панели, сделанные из янтаря, добытого в Украине, в корне изменили конфигурацию янтарной «табакерки». Когда они были готовы, а комната в Царском Селе приведена в надлежащий вид, состоялся перенос панелей янтарного кабинета. Аккуратно сложенные в большие деревянные ящики, они были на руках доставлены солдатами во дворец. Для этого понадобилась почти неделя. Весь процесс напоминал крестный ход. Впереди шли монахи, распевающие псалмы, за ними – барабанщики, задававшие ритм движению, а следом шли солдаты, несущие на руках ящики. Затем шествовала резервная группа солдат, которая менялась через каждый час. Замыкала всю эту процессию карета, в которой ехали архитектор Растрелли и мастер Маврителли. Собранный в конце 1755 года кабинет преобразил Царское Село, придал ему законченный вид и какую-то воздушность. После сборки янтарный кабинет по настоянию императрицы был снова освящен.

Метаморфоза, произошедшая с янтарным кабинетом, положительно отразилась на дальнейших политических событиях. Начав функционировать в совершенно новом виде, географическом, геометрическом и астральном режиме, он на время теряет ту силу, ради которой был создан.

Другой рапорт, который лежал рядом с первым, дает ана-

лиз событий, прошедших с этого времени. После окончательной сборки и освящения янтарного кабинета Елизавета Петровна сразу в 1756 году вступает в семилетнюю войну против Пруссии на стороне Австрии и Франции. Русские войска, ведомые генерал-аншефом П.С. Салтыковым, занимают всю восточную Пруссию и, что примечательно, сам город Кенигсберг, в котором добывался янтарь для кабинета. Затем стремительным броском они врываются в Бранденбург. Нельзя сказать, что это были сплошные победы. Война есть война. Были и отступления, и проигранные битвы, но военная инициатива была на стороне русских войск и их союзников. В конце концов, русская армия в 1760 году штурмом берет Берлин и получает с него солидную котрибуцию. Перестроенный янтарный кабинет не может ничем помочь прусскому королю. Казна его пуста, армия разгромлена, страна истощена войной и нужно искать денежные средства для выплаты контрибуции победителям.

Примерно в этот же период начинается отток прусских подданных из Петербурга, обосновавшихся здесь еще во времена правления Анны Иоановны. Кстати, она тоже ощутила на себе «объятия» янтарного кабинета, попав под влияние бывшего своего камердинера Иоганна Бирона. Его буйная фантазия была непредсказуемой не только в любовных утехах с ней, но и в управлении государственными делами и всяких затеях, которыми отличалось правление царицы. Чего стоит только знаменитая свадьба придворного шута Кульковско-

го! Она отмечалась в специально построенном ледяном доме высотою более 6 метров и длиною около 17 метров, холодном, как и сердце императрицы по отношению к своему народу. Кроме того, что новобрачных положили на ледяную постель без ничего и заставили здесь провести ночь, так и само шествие к этому ледяному дворцу отличалось своей необычностью. Впереди в золотой карете ехала сама императрица, естественно с милым сердцу сопровождающим, затем следовал слон, на котором в клетке сидел придворный шут со своей новобрачной, качаясь из стороны в сторону в такт движению животного. Затем бежали олени, за которыми ехали новгородцы на паре козлов, малороссияне на волах, чухонцы на ослах, татары на свиньях, калмыки на верблюдах и так далее, демонстрируя множество народов и народностей, составлявших суть России. И таких пар было 50. Народ, конечно, хохотал, но умные люди призадумались. Безусловно, это отразилось на судьбе Анны Иоановны. Нынешний год правления стал для нее последним.

Таким образом, часть пруссаков была отстранена от государственных должностей, часть добровольно покинула северную столицу и переехала в другие города и страны.

Но, как оказалось, это были временные победы. Янтарный кабинет, освоившись в новом для себя качестве и самоутвердившись согласно заложенным в него тонким энергиям, частично изолировав внедренные в его основу новые архитектурные конструкции, снова начал работать в нужном ему ре-

жиме. Для этого ему понадобилось ровно 7 лет. И первой его жертвой стала императрица Елизавета Петровна, которая в канун Рождества 1761 года внезапно умирает. На трон вступает Петр III, который без объяснения причин немедленно прекращает войну с Фридрихом II, заключает с ним союз и возвращает завоеванные территории без выплаты контрибуции. Этот союз, который было трудно логически обосновать, способствовал тому, что к трону снова стали приближаться выходцы из Германии. Окружив наследника, они потихонечку вплетали в государственную ткань управления свои правила игры. А царь Петр III сразу проникся таинством янтарного кабинета и стал проводить там достаточно длительное время, решая многие государственные дела. Такое государственное «бдение» закончилось известным уже образом. К власти в России приходит императрица Екатерина II. Зная о магической силе янтарного кабинета, она снова призывает на помощь монахов. На этот раз они привезли с собою черные рясы и одежду святых, собранную по скитам и монастырям. Три дня и три ночи монахи на коленях проводили таинство молитвы и освящения этого странного кабинета. Двое монахов не выдерживают этого противостояния и умирают от сердечного приступа. На смену им приходят другие, которые со смирением продолжают начатую службу. Кабинет снова оживает в лучах горящих восковых свечей, начинает играть красками и бликами света, передавая их от одной панели к другой, словно стараясь что-то спря-

тать от таинства обряда, который неумолимо нащупывает и уничтожает то, что скрывается за этим светом. Густой запах воска намоленных свечей постепенно покрывает янтарные панели одну за другой, заставляя гаснуть яркие блики света, которые в панике мечутся, сталкиваясь и разбиваясь на тысячи отдельных искорок. Постепенно он гаснет, и свечи наполняются ровным светом, который мерно отражается от ставших матовыми панелей. Наконец таинство очищения заканчивается. Монахи выводят своих уставших собратьев и накрывают янтарные панели одеждой святых старцев. Кабинет надолго остается выключенным из пространства. Как результат, активизируется внутренняя и внешняя деятельность России, укрепление ее авторитета в мире, расширение пространственных связей и подъем государственной жизни. За заслуги перед Отечеством Екатерине II в 1767 году преподносится титул «Великая».

Однако негативные процессы, проходящие внутри янтарных панелей, постепенно набирают силу, вновь создавая единую структуру. От времени и этих внутренних процессов одежда святых истлевает. После того, как ее остатки были вынесены из янтарного кабинета, он снова начинает восполнять былую мощь. Императрица Екатерина II согласно пророчеству монаха Авеля внезапно в 1796 году уходит в мир иной. Восшедший на престол Павел Петрович с первого дня своего царствования ставит задачу переделать в стране все на прусский лад. В стране начинаются репрессии против

несогласных с его политикой, резко ограничивается выезд за границу, в армии вводится прусская форма одежды, сковывающая движения солдат, которые под барабанный бой учатся ходить прусским шагом. Различные духовные ордена, имеющие прочные немецкие корни, надолго обустраиваются в России…

Далее, взяв папку, хранящую документы сотрудничества России и Германии, я начал читать рапорты и сводные записки об этом. Суть их в целом сводилась к следующему. Два народа жили практически по соседству и мирно сосуществовали. Даже в новгородской торговле посредниками в основном выступали «готские» и «немецкие» купцы. Постепенно немцы получают здесь концессии, переселяются в страну и распространяют информацию у себя на родине и в других странах о богатствах и народе России, о ее необъятных просторах. С появлением янтарного кабинета количество прибывающих сюда значительно увеличивается. Приезжают не только купцы и отдельные авантюристы, ищущие государственных должностей и привилегий, но и целые немецкие колонии, создавая в стране крупные немецкие оазисы, которые как магнит, притягивали к себе новых переселенцев. Постепенно они вплетаются в российскую хозяйственную жизнь, занимая достаточно серьезное положение в экономике страны. Часть из них принимает российское гражданство, а дети многих выходят замуж или женятся не на немцах, а на русских подданных, как например дочери Карла Сименса. На-

чинает формироваться совершенно новая часть населения, привыкающая мыслить по-другому и отходящая от немецких канонов мышления и ведения дел в сфере торговли и промышленности. То есть происходит вхождение немцев в русскую среду и их более полное восприятие русской жизни. Это, как ни парадоксально, приводит к увеличению доли немецкого капитала в промышленности, который способствует импорту специалистов из Германии, несущих с собой предпринимательский дух, опыт, энергию и инициативу. Созданные ими здесь предприятия, как правило работают хорошо и не меняют владельцев. Однако у русских предпринимателей появляется предубежденность по отношению к немцам. Она связана с тем, что германское правительство, начиная с господина Бисмарка, требовало от предпринимателей, работающих за границей, при организации своего дела исходить не из личных принципов получения максимальной прибыли от производства, а исключительно из соображений политических и военно-стратегических. Поэтому германские заводчики и фабриканты в России начинают сторониться государственных представителей и вести тайные переговоры с местными предпринимателями. Скорее всего, это было влияние модифицированного янтарного кабинета, в панели которого в связи с его доработкой был вмонтирован местный янтарь. Но и главное: очевидно, он был в какой-то степени перенаправлен монахами и поэтому стал работать вот в таком необычном режиме. Как результат, немецкие фирмы и

объединения, притягиваемые им, посылали сюда представителей для сбора информации и ведения переговоров, не ставя в известность свои органы власти и германское консульство, которые об этом узнавали последними или со страниц газет, или от третьих лиц. Это заставляло руководство страны корректировать такое поведение деловых людей и искать пути подхода для проведения в жизнь государственной линии. Главным орудием реализации этой политики стали германские банки. В документах также отмечалось, что многие германские предприматели связали свою судьбу с Россией, а их потомки внесли значительный вклад в развитие страны.

Таким образом, борьба с янтарным кабинетом продолжалась с переменным успехом. Об этом свидетельствовали многочисленные рапорты, собранные в архиве, по которым отслеживалось поведение кабинета и его влияние на российское пространство в различные временные периоды. Этот достаточно интересный материал требовал свого осмысления и более глубокого изучения. Очевидно, и сегодняшние события, связанные с семьей императора Николая II, не обошлись без участия янтарной «табакерки». Хотя, как видно из имеющейся информации, ее активность происходит циклично, ей нужно какое-то время, чтобы аккумулировать необходимую энергию, а затем выбросить ее в пространство в определенном направлении. Вывод напрашивался сам собой. Самый первый выброс этой энергии произошел в 1914 году. Он подготовил второй выброс, который завершился государ-

ственным переворотом 1917 года, отречением царя от престола и арестом царской семьи. Можно было предположить, что янтарный кабинет находился в самом расцвете своей негативной активности. И теперь мне предстояло идти туда и попытаться хотя бы каким-то образом снизить его активность и изолировать от ее воздействия императора Николая II и его семью. С чем была связана такая негативная реакция кабинета на царскую фамилию, остается гадать. Может быть, это зависело от того, что он в себе соединял немецкое и русское начало, однако первое имело преобладающее значение.

Узник в собственном доме

Мне необходимо было срочно попасть в Царское Село, где содержалась семья императора. Учитывая те события, которые происходили в Петербурге, лучше всего было добраться туда по железной дороге. Поэтому я, не теряя времени, сразу отправился на железнодорожную станцию. Она представляла собою человеческий муравейник, пропахший потом и махоркой. Сотни людей вертелись здесь, то разбегаясь в разные стороны, то собираясь в какие-то групки, бряцающие оружием и дымящие самокрутками из газет. При этом все что-то тащили, на ходу переспрашивая друг друга, и кряхтели от тяжести. Весь этот шум, громко сипя и сморкаясь, старались перекрыть агитаторы разных политических партий и организаций, призывая прибывших и отъезжающих попол-

нить их славные ряды. Пробившись сквозь эту толпу, я с трудом втиснулся в один из вагонов поезда, отправляющегося в сторону Царского Села. Поездка, конечно, была не из приятных. Поезд то подолгу стоял на разъездах, то двигался с бешеной скоростью, непрерывно гудя. Только к вечеру мы добрались до места назначения. Солнце уже заходило за горизонт, когда я, сторговавшись с извозчиком, поехал во дворец, где находился царь.

Как проникнуть во дворец, не вызывая подозрений? У меня было несколько вариантов. Из них я выбрал самый простой. Подъехав к дворцу, я спрыгнул с коляски и прямиком направился к редкой цепи охраны, выставленной вокруг него. Ближайший солдат, к которому я подошел, лениво сдернул с плеча винтовку и неуставным осипшим голосом спросил:

– Ну, чаво надо?

– Позовите начальника караула, – ответил я. – Я прибыл из Петрограда по поручению гражданина Керенского.

Солдат молчаливо повернулся и по цепи передал мою просьбу. Пока шла перекличка, из караулки выскочил прапорщик и, придерживая рукою болтавшуюся на левом боку шашку, потрусил ко мне. Подбежав, он приложил руку к козырьку фуражки и представился:

– Прапорщик Козельцев, с кем имею честь?

Вытащив из кармана чистый лист бумаги, я важно развернул его и, поймав взгляд прапорщика, зачитал ему мнимое

распоряжение Керенского о допуске меня к царю на предмет обследования условий его содержания. В ходе этого чтения я не отпускал его взгляд, мысленно подчиняя своей воле. Труда особого это не составило, так как он был очень юн, самолюбив и исполнен чувства важности и значимости своей персоны, которой поручили такое ответственное государственное дело, как охрану бывшего монарха. Он сразу попал в расставленные мною сети и стал управляемым. Я понял это, увидев его выпученные глаза и окаменевшее лицо. Мне пришлось ослабить свое волевое давление на столь юного субъекта, так как я побоялся переборщить. Нехватало, чтобы он от напряжения рухнул в обморок.

– Поручик Евдолаев, – представился я. – Мне велено проверить систему охраны гражданина Романова и его самочувствие, – в заключение выдал я, сворачивая и пряча бумагу в карман френча.

– Прошу за мной, – предложил прапорщик и, круто повернувшись кругом, почти строевым шагом направился во дворец.

Я последовал за ним, продолжая мысленно внушать ему необходимость полного подчинения мне в столь важной миссии. Пройдя мимо двух караульных, стоящих у центрального входа, мы вошли во дворец. В вестибюле царил полумрак. Горела всего лишь одна люстра на стене. Прапорщик остановился возле нее и по моему мысленному приказу доложил о системе охраны, количестве солдат и расположении

постов. Взяв себе это все на заметку, я потихоньку подвел его к мысли о необходимости посещения царской семьи. Продолжая рассказывать, прапорщик стал подниматься по парадной лестнице и, пройдя через амфиладу дверей, мы остановились перед кабинетом царя, в котором в этот момент находилась вся семья.

Обойдя прапорщика, я быстро приоткрыл дверь и заглянул вовнутрь, чтобы оценить обстановку. Царь что-то писал, расположившись за письменным столом, Александра Федоровна шила, сидя в кресле перед лампой с двумя старшими девочками, а остальные расположились кто где, занимаясь разными детскими делами. Так же быстро закрыв дверь, я повернулся к прапорщику и, попросив его предупредить часовых о том, что я буду ходить по дворцу проверять посты, разрешил ему уйти. Он молча кивнул головой и, повернувшись кругом, пошел выполнять приказание.

Оставшись один, я стал прикидывать, как лучше выполнить поставленную передо мной задачу. В этом деле меня настораживали два момента. Первый, когда я погрузился в подсознание прапорщика, выяснив, что он и его солдаты уже были подвержены негативной обработке и потенциально настроены на уничтожение царской семьи. Причем, сделано это было достаточно профессионально, однако эта установка была закреплена недостаточно прочно. В любом случае это было очень опасно, так как малейший пустяк или стресс мог включить эту программу. Второе, что настораживало меня,

это идущие откуда-то из недр дворца волны злобы, страха и агрессии, под воздействием которых постоянно пребывала не только царская семья, но и все находящиеся во дворце, в том числе и солдаты охраны. Благо, это происходило за десятки километров от Петрограда, а то бы, соединившись с той агрессией, которая царила в столице, эти волны могли бы привести к непредсказуемым последствиям. Необходимо было как можно быстрее определить источник этой негативной энергии, нейтрализовать или уничтожить его. В свое время я проходил специальное обучение по этому сложному предмету. В моем арсенале, как я думал, было достаточно средств, чтобы решить эту задачу. Однако это требовало нечеловеческих усилий, крайнего напряжения всех духовных и физических сил и, как показывала моя практика, не всегда заканчивалось победой. Были и поражения, после которых я достаточно долго приходил в себя, были и ничьи, когда происходила временная блокировка, когда негатив как бы нейтрализовался, однако через время, собравшись с силами, он снова возвращался в старое русло. Поэтому мне надо было сконцентрироваться и попытаться решить проблему нейтрализации, а затем уже перейти ко второй фазе моего задания.

Обследование я решил начать с парадной лестницы, находящейся в окружении скульптур, отражавших все свое греческое великолепие в огромных зеркалах, расположенных по обеим сторонам лестницы. В каждом из дворцов, принад-

лежащих царской семье, существовали тайники, в которых хранились необходимые для моей работы инструменты. Дело в том, что очищение дворцов проводилось регулярно, когда царская семья была в отъезде. Расположение этих тайников я знал наизусть. Были здесь и тайные комнаты, заложенные в ходе строительства и не указанные в архитектурных планах, были и тайники, сделанные в ходе ремонта. Каждый из них имел свое определенное назначение. О многих из них забыли за давностью лет. Но наши тайники, сделанные и заложенные «хранителями», передавались нам по наследству и служили верой и правдой в течение уже многих лет. Восстановив по памяти расположение тайника с нужными мне вещами, я подошел к скульптуре нимфы, стоявшей на площадке в центре лестничных перил, и тщательно осмотрел ее. Выражение великолепного скульптурного лица было бесстрастным, и в то же время от нее веяло изяществом и какой-то одухотворенностью. Несмотря на то, что скульптуры впитывают в себя энергетику людей, которые постоянно находятся возле них, приобретая постепенно отдельные человеческие черты, которые трудно обнаружить неспециалисту, эта сохранила свою первозданность. Очевидно, это было связано с ее равноудаленностью от лестничных пролетов, в результате чего контакт с людьми был всегда временным. Поэтому малейшее негативное влияние сразу бы отразилось на выражении ее лица, положении мраморного тела и общем восприятии ее как единого целого. К счастью, никаких отри-

цательных признаков я не заметил, так же как и признаков проникновения в тайник, который находился здесь же.

Сосредоточившись и припомнив последовательность действий по его открытию, я провел руками по выпуклым бокам скульптуры, ища соответствующие пружины. Найдя нужную точку, я надавил ее и плавно повернул скульптуру влево. Ошеломленная такой наглостью, с широко распахнутыми глазами, она повернулась ко мне боком и открыла небольшую нишу внизу, где лежали аккуратно завернутые в холстину нужные мне инструменты. Прочитав определенную молитву и сделав необходимые действия по очистке возможного негативного воздействия и активизации инструментов, я осторожно взял сверток и развернул его. Внутри лежали серебряный сосуд со святой водой, такой же подсвечник с желтой восковой свечой и священный талисман – оберег, выполненный в виде древнерусской буквы живицы на простой тесемке и означающий вечную жизнь и благоденствие, который довольно часто можно увидеть на старинных церковных зданиях. Надев талисман на шею, взяв в левую руку подсвечник и серебряный сосуд, сделанный в виде древнерусской ладьи, я зажег свечу и стал медленно приближаться к зеркалам, расположенным вдоль лестницы. Необходимо было проверить все возможные входы и выходы в зазеркалье, чтобы предупредить агрессию и снять напряжение, царящее в здании. То, что здесь было что-то не так, я понял сразу, когда поднес горящую свечу к зеркальной поверхности. На ней не

было того блеска, который присущ нормальному, здоровому состоянию зеркальной поверхности. Не было тех переливов красок, красивой, хрустальной игры света. Стоял какой-то невообразимый мрак, который отражал бледный огонек свечи, вытягивающийся к зеркальной поверхности. Необходимо было срочно очистить зеркало, так как оно, вобрав в себя слишком много негативной энергии, выплескивало ее в пространство, обжигая и одновременно холодя своим необычным светом. Недаром ведь в прихожих вешают зеркала, амулеты и другие блестящие предметы, которые обладают способностью нейтрализовать недобрый взгляд и сохранить положительную ауру дома. В данном случае здесь все было наоборот: все было в сплошной негативной энергетике.

Перекрестив зажженной свечой зеркальную поверхность, я окропил ее святой водой из серебряного сосуда и стал внимательно рассматривать поверхность, медленно переводя взгляд за подсвечником, стараясь определить реакцию и возможность открытия входа в зазеркалье. Однако капли воды, медленно стекавшие по зеркальной поверхности, и ровный мерцающий язычок свечи свидетельствовали о том, что здесь ничего нет. Постепенно зеркало заиграло, преображаясь и наполняясь внутренним ровным светом. Запечатав зеркало, я погасил свечу и направился в следующую комнату дворца, чтобы проверить оставшиеся зеркала. Почти везде была одна и та же картина, хотя с каждой пройденной комнатой дворца я чувствовал растущее напряжение, которое, ка-

залось, вот-вот готово перейти в физическое сопротивление моим действиям. Дело в том, что, постепенно закрывая зеркала, я исключал и возможность связи с зазеркальем, питаемым сведениями, полученными извне. Сужалась и вероятность выхода в дворцовые покои и негативного воздействия на их обитателей. Что-то непонятное человеческому восприятию, которое, очевидно, присутствовало здесь, сопротивлялось моим попыткам заблокировать его и не дать возможности выйти наружу.

Постепенно продвигаясь из комнаты в комнату, минуя часовых, истуканами стоявших в коридорах, я делал свою работу. Вышедшая из-за туч луна, пробиваясь сквозь тяжелые шторы венецианских окон, периодически отражалась на моем талисмане, который мгновенно озарялся светом, разбрасывая его вокруг, и отражался в зеркалах, к которым я подходил. Войдя в угловую, предпоследнюю комнату, окна которой выходили в великолепный парк, расположенный перед фасадом дворца, я почувствовал легкую вибрацию, исходившую от талисмана. Он словно давал мне знак быть настороже, предупреждая о возможной опасности. Тело мое напряглось от ожидания неизвестного, и я медленно двинулся к зеркалу, одиноко стоявшему в углу комнаты. По мере моего приближения к нему оно как бы оживало от блеска горящей свечи и лунного света, переливаясь серебристыми волнами, едва заметно расходящимися в разные стороны. Оно словно задышало при моем дальнейшем приближении, по-

степенно заливаясь багровым светом, который вытягивался в мою сторону. Когда я почти подошел к нему вплотную и протянул руку с горящей свечой, оно, словно мыльный пузырь, лопнуло, разлетевшись на тысячи огненных искр, и оттуда вырвался сгусток энергии, который, опалив мои руки, ударился в мой талисман, и, словно наткнувшись на невидимую преграду, с немым воплем, как смертельно раненный зверь, нырнул обратно.

Искры постепенно осыпались вокруг меня, оставляя непонятный запах гари. А зеркало, плавно затягиваясь, приобретало прежний вид. Поднявшись с паркета, на который я упал от страшного удара, я зажег погасшую свечу и, превозмогая боль, снова подошел к зеркалу. Внешне оно не изменилось, но когда я прикоснулся к нему рукой, то почувствовал холодный жар, исходящий от его поверхности. Талисман одновременно отталкивал и притягивал к себе, замораживался и разогревался до неимоверной температуры. От такого напряжения я весь покрылся потом, потому что мой организм пытался найти баланс в этой ситуации. Я медленно провел свечой по зеркальной поверхности и обрызгал ее святой водой из серебряного сосуда, стал искать точку входа в зазеркалье. То, что здесь был основной вход, я понял по поведению зеркала, плохо было то, что этот сгусток негативной энергии уже пробрался туда и неизвестно чем занимается, отрицательно влияя на окружающих. Найти точку входа всегда достаточно трудно. Это очень сложное занятие, так как в раз-

ных зеркалах, созданных различными посвященными в это дело мастерами, существуют точки входа, расположенные на разных уровнях.

Передо мною было зеркало старинной венецианской работы, достаточно большое, окантованное рамой из орехового дерева. Хорошо, что на ней был растительный орнамент, потому что другие изображения создают дополнительные препятствия, не давая возможности безболезненно пройти вовнутрь. И поэтому надо провести достаточно сложную процедуру нейтрализации, чтобы устранить их негативное влияние. Стоящее передо мной зеркало словно ждало моих дальнейших действий, посматривая на меня своим всевидящим оком, в котором отражался мой колышущийся силуэт.

Окончательно придя в себя и собравшись с духом, я осторожно ощупал ореховую раму, ища там скрытые сюрпризы, которые так любили оставлять старые мастера. Однако все было в порядке. Тогда я неспеша положил руки на зеркальную поверхность, соединив указательные пальцы согласно ритуалу, и начал постепенно перемещать их по краям зеркальной поверхности. Холодная на первый взгляд, она отдавала теплом и по мере приближения к центру становилась как бы все более горячей. Медленно нащупывая точку входа, я мысленно готовился к переходу в зазеркалье. Дело в том, что существует множество типов зеркал, которые с одной стороны являются окнами наблюдения за нами, а с другой – входом в совершенно другой мир, который существу-

ет как в нашем сознании, так и вне его. Поэтому и вход в этот мир может быть, как в бестелесном, так и очень редко в физическом плане. На это способны только люди, владеющие определенной методикой и обладающие специальными качествами. Ведь зеркала – это определенный талисман, который существует с древнейших времен у всех народов, и в то же время, это своеобразный хронограф, который записывает на свою поверхность все те события, которые происходят в том месте, где оно находится. Надо уметь читать зеркала, обладать соответствующими навыками и знаниями по их расшифровке, и тогда перед тобою открываются такие страницы жизни, и драмы, и трагедии, и комедии, которые не встретишь ни в одном романе. С зеркалами надо уметь обращаться, недаром старые люди предпочитали не очень часто заглядывать в них, чтобы не оставлять призрачного двойника.

Размышляя об этом, я наконец нащупал точку входа, расположенную почти в центре. При приближении к ней моей руки она начала медленно вибрировать, изгибаясь вовнутрь, словно приглашая в гости. Проведя в этом месте руками три раза по часовой стрелке и оставив в центре ладонь левой руки, я правой рукою приложил к точке входа свой талисман в виде буквы «Ж» и, медленно убирая левую руку, вдавил его. Казалось, время замерло. Наступила тягучая тишина. Постепенно зеркальная поверхность превратилась в живую материю, которая по мере давления талисмана отступала к краям

ореховой зеркальной рамы, открывая вход в виде темного, чуть поблескивающего отверстия. Это было одно из тех зеркал, которые давали возможность войти в зазеркалье, не выходя из материальной оболочки тела. Когда вход расширился окончательно, я переступил порог тяжелой ореховой рамы и попал в проход, который стремительно выбросил меня на перекресток, где мелькали какие-то тени во множестве переходов. Перед самым входом сюда я поставил подсвечник с горящей свечой возле зеркала, для того чтобы не заблудиться и найти свой выход. Кроме того, до тех пор, пока горела свеча, вход оставался открытым. Как только она погаснет, то и вход сразу закроется, так что у меня было не слишком много времени. Без этих инструментов и соответствующей подготовки сложно путешествовать здесь и не потерять ориентацию в зазеркальном пространстве. В этом множестве ходов, открывшихся передо мной, необходимо было найти тот единственный, по которому сбежал этот ослепительный сгусток энергии, так безжалостно напавший на меня. Надев на палец перстень-указатель с изображением святого креста, я тщательно протер его средним пальцем левой руки и когда он стал переливаться зеленым светом, стал поочередно направлять на круглые входные отверстия, расположенные передо мной. По мере перемещения перстень то бледнел, то снова вспыхивал, пока не загорелся ровным бирюзовым светом, указывая на второе слева от меня отверстие. Дело в том, что это был перстень старинной работы, настроенный на определе-

ние вибраций таких вот существ, и своим светом сигнализировал об их обнаружении или присутствии, или улавливал след, который они оставляли.

Меня поджимало время. Поэтому, не задерживаясь долго, я набрал воздуха и бросился в указанный мне вход. Подхваченный силовыми потоками тоннеля, я, словно в безвоздушном пространстве, стремительно полетел вперед и вскоре оказался перед не очень большим квадратным окном ярко-желтого света, через которое просматривалось лежащее впереди какое-то сильно искаженное и искривленное пространство. Это было что-то объемное и большое, потому что вдоль его сторон шли тоннели, размером чуть меньше входного. Ориентируясь по перстню, я стал медленно их обходить, предварительно надев темные очки и приготовив сумку-ловушку, сшитую монахами из специальным образом приготовленной холщовой ткани. Эта ткань была соткана из льна, который собирался по утрам на новолуние. Затем он вымачивался три дня в утренней росе, обрабатывался и целую неделю проходил сушку в специально намоленной часовне. Только после этого из него делалась ткань. Сотканная крестообразно вручную, она расстилалась перед иконами, и братия читала на ней свои молитвы в течение месяца. После этого ткань выносилась для отбеливания на солнце в монастырском дворе. Через неделю из нее шили различные по величине сумки и полотенца, которые вешались под образами и после освящения применялись по назначению, в том числе

и для лечения от различных недугов.

Мне навстречу стали попадаться всякие амебы, одноглазые чудовища с разинутыми ртами и без них. Все это плавало в каком-то тумане, который то был плотным до невыносимости, то очень редким и тягучим. Двигаться приходилось осторожно, так как сила этого нечто была достаточно мощной. Я это уже прочувствовал на себе. Кроме того, неизвестно с кем здесь придется встретиться, и чем эта встреча закончится – никто не знает. Вон слева ползет какая-то гадость, не похожая ни на что, а справа движется что-то белесое и вечно подпрыгивающее, словно мячик наоборот. Осторожно осматриваясь, я пробирался все дальше и дальше. И по мере моего удаления от входа начинала кружиться голова и стучало в висках. И здесь все решало время. Чем быстрее я найду это, тем лучше будет для всех. Так по следу я потихоньку подбирался к своему объекту. Нырнув в одно из ответвлений, обвитых какой-то растительностью, я увидел, что перстень засветился ровным ярким светом. Значит, то, что я ищу, находится здесь. Я стал внимательно осматривать пространство вокруг себя и вскоре заметил невдалеке проблески света. Я даже не успел приблизиться к этому месту, как из него выскочил огненный шар и своим разрядом ударил меня в грудь. От удара я упал, и шар, проскочив буквально в сантиметре от моего лица, снова забился в свой угол. С трудом поднявшись на ноги, я ощупал себя, но больших повреждений не нашел. Болела голова, да на груди, где висел мой

талисман, было обожженное пятно. Именно талисман спас меня, приняв весь разряд на себя.

Сделав восстановительные упражнения и приведя себя в порядок, я снова двинулся вперед. Вскоре я вышел на небольшое пространство, на стене которого висело какое-то окно. Подойдя к нему, я увидел, что это одно из последних зеркал янтарного кабинета. Значит, мой противник где-то здесь. И действительно, я вскоре увидел его. Только он не представлял собой единого целого. Потеряв свою энергию, он разделился на мелкие шарики, которые рассыпались по янтарным панелям, забив все щели. Достать их оттуда было практически невозможно. Мне не оставалось ничего, как окропить это место святой водой и запечатать его крестным знамением. Однако это не давало гарантии, что энергетика этого существа не будет восстановлена. Так как время поджимало меня, я развернулся и пошел в сторону выхода. Я успел вовремя, так как свеча почти догорела и вот-вот могла погаснуть совсем.

Закрыв окно входа, я выскочил из янтарной комнаты и, приведя себя в порядок, направился в кабинет на встречу с императором. Подойдя к тяжелой дубовой двери и переведя дыхание, я трижды постучал и, приоткрыв дверь, заглянул вовнутрь. Освещенный настольной лампой царь оторвался от письменного стола и, держа ручку в правой руке, вопросительно посмотрел на дверь. Александра Федоровна, приподняв в своих руках шитье, испуганно сощурила глаза и своим

телом как бы пыталась прикрыть детей, сидевших с ней рядом и испуганно жавшихся друг к другу.

– Разрешите войти, Ваше Императорское Величество, – произнес я, открывая дверь и замирая на пороге так, чтобы слабый свет настольной лампы мог осветить меня.

Прищурившись, император несколько секунд пристально всматривался в меня, потом его лицо прояснилось, и он, привстав с кресла, глухим голосом произнес:

– Прошу вас.

Медленными шагами я приблизился к нему и, щелкнув каблуками, представился. Затем, повернувшись к императрице и детям, отвесил им поклон. Когда я поднимал голову, из-за спины царицы вынырнули веселые глаза Анастасии, которая узнала меня, вскочила со стула и, дурачась, сделала мне книксен.

– Слава Богу, Владимир, – произнес император, выходя из-за стола и направляясь ко мне. – Наконец-то вы добрались сюда. Кстати, я теперь не император, а гражданин Романов, так приказано величать меня и охране, и этим всем политикам, которые начинают делить Россию, как пирог, не думая о последствиях. Были тут многие и этот «гений» Керенский, который метит в вожди и сам примеривает царские регалии на себя. Бедная наша страна, бедный наш народ, какие испытания грозят тебе, ведает один лишь только Бог. Я чувствую, что это начало чего-то большого и страшного, которое постепенно, как черная туча надвигается на Святую Русь. Я и

моя семья готовы ко всем испытаниям, которые уготовила нам судьба, только бы Россия продолжала жить и двигаться вперед. Правда, дорогая? – обратился он к подошедшей жене.

– Да, дорогой, – ответила Александра Федоровна, протягивая мне для приветствия свою руку, которую я поднес к своим губам. – Как ваше самочувствие? Как дорога? Все ли удалось вам? – забросала меня вопросами императрица.

– А как вы пробрались сюда? – поддержал ее император. – Под страхом смерти вход бывшей прислуге и посторонним посетителям для общения с нами запрещен.

– Для человека, который верен царю и Отечеству, нет никаких преград, – ответил я. – Для меня, Ваше Императорское Величество, Вы были, есть и будете моим государем, и ничто не заставит меня изменить Вам и моим идеалам.

Чувствительный Николай II от моих слов часто заморгал глазами и осипшим голосом произнес:

– На другое я и не рассчитывал. Именно служба Отечеству – это наше призвание, и от усердной службы Отечество только процветает и благоденствует. Если бы все понимали это! К сожалению, русскую душу смущают всякими новыми словами, используя все, чтобы привести страну к краху и подорвать основу основ нашего существования – «Веру, Царя и Отечество».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.